

A romantic couple, a young man and woman, are sitting on a wooden dock by a lake. The woman, with long blonde hair, is wearing a blue denim jacket over a dark red top and is looking up at the man with a joyful expression. The man, with short brown hair, is wearing a red and white plaid shirt and is smiling back at her. The background features a calm lake, lush green trees, and a bright blue sky with scattered white clouds. Green leafy branches frame the top and left sides of the image.

Ангел для Рыбки

Анастасия Керт
Енодина

Анастасия Керт

Ангел для Рыбки

<https://litres.ru/74213994>

Аннотация

►►► **ВЫШЛА В БУМАГЕ!!! УЖЕ В МАГАЗИНАХ!**

Глеб - наглый, симпатичный и ненавидит меня. Почему - не знаю, да и не очень-то это заботило... до тех пор, пока волею судьбы он не стал моим соседом. Теперь от его шуток и издёвок мне никуда не деться. А ещё лучшая подруга уверяет: Глеб любит меня и специально поселился рядом. И предлагает влюбить его в себя и отомстить за все разбитые им сердца. Но в моей душе ещё жива любовь к тому, с кем прошло детство, и кого так раздражающе напоминает Глеб. Пришла ли пора забыть его или, наоборот, самое время разыскать?

Содержание

Пролог	4
1	9
2	18
3	25
4	30
5	34
6	39
7	46
8	52
9	60
10	69
11	78
12	84
13	89
14	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Пролог

Дорогой читатель!

Добро пожаловать в летнюю молодёжную историю любви!

Глеб - наглый, симпатичный и ненавидит меня. Почему - не знаю, да и
 не очень-то это заботило... до тех пор, пока волею судьбы он не стал моим соседом.
 Теперь от его шуток и издёвок мне никуда не деться. А ещё лучшая подруга уверяет: Глеб любит меня и специально поселился рядом. И предлагает влюбить его в себя и отомстить за все разбитые им сердца.
 Но в моей душе ещё жива любовь к тому, с кем прошло детство, и кого так раздражающе напоминает Глеб. Пришла ли пора забыть его или, наоборот, самое время разыскать?

/В далёкие счастливые годы/

Маленькая девочка с двумя неровными косичками вынула из кармана поношенных дачных джинсов камень – небольшой белоснежный кварц – и протянула его парнишке, который сидел на нижней ветке яблони, грыз неспелое яблоко и уныло глядел в безоблачное яркое июльское небо.

Этим летом он уезжал в город рано, раньше обычного. Это оказалось обидно и до слёз грустно: впереди могло быть столько интересных приключений и открытий, а в городе ждали скучные стены квартиры, надоевший уже давно телевизор и компания мальчишек, обожающих играть в футбол. Несравнимо с дачным раздольем! Совершенно несравнимо!

Но паренёк держался и грыз яблоко – кислое, невкусное, но сочное, от которого приходилось морщиться. Зимний сорт – первое, что попало под руку. Погода стояла солнечная, совершенно не подходя настроению, зато вкус яблока идеально соответствовал: несмотря на то, что лето выдалось тёплым и яблоко с одного бока покраснело, оно было отвратительным на вкус. Такие можно есть только в детстве, пожалуй.

– Грач, это тебе... на память. – Отвлекла его девочка, доверчиво протягивая камень. – Зима долгая, ещё забудешь меня.

- Не забуду, – ответил он, глядя, как зелёная мякоть яблока на глазах коричневеет. Вроде бы, это указывает на наличие в яблоке железа. И наверно, из-за него оно такое невкусное. – Забудешь тебя, как же! Никогда не забуду тебя, Рыбка! – И он неожиданно улыбнулся, хоть девочка и не надеялась сегодня увидеть его улыбку, уж больно мрачен её друг был весь день. Да и у неё настроение отсутствовало: парнишка уезжал, а им было весело вместе. Так весело, как никому в целом мире! Сейчас веселиться совершенно не тянуло: с

отъездом Грача для Рыбки заканчивалось лето, хоть календарь и утверждал, что впереди ещё целых две недели августа.

А Грач не смог сдержать улыбку, потому что вспомнил: и как они забавно познакомились, и сколько всего успели сделать за их недолгую, но ставшую такой крепкой, дружбу.

– Это сердечко, – покраснев, пояснила девочка, когда белый камень лёг в мокрую от яблочного сока ладошку мальчика.

– Что-то не похоже на сердечко, – повертев камешек в руке, признался её друг, как всегда, не стесняясь говорить прямо.

– А я говорю – похоже! – возмутилась дарительница, которая так долго искала что-то необычное и красивое, что можно преподнести в качестве подарка на память, и была уверена, что камень по форме абсолютно идентичен сердечку, какие рисуют на заборах и какие рисовали подружки, потешаясь над её дружбой с Грачём.

– Не похоже, – стоял на своём парнишка, потому что, и правда, было не похоже: кривой какой-то камешек, отдалённо напоминающий форму треугольника, но уж никак не сердечка.

– Ну и выкинь, раз не похоже! – обиделась подруга, насупившись и сложив руки на груди.

– И выкину, – кивнул Грач.

Девочка нахмурила светлые брови, почти не выделявшиеся на загорелом лице: она пришла попрощаться, камешек

ему преподнесла, а он, понимаете ли, нашёл его не похожим на сердечко!

Рыбка развернулась и ушла, обиженная, а Грач остался сидеть, вновь став унылым. Девочка ушла, а вместе с ней пропало и желание улыбаться. Ушла и не обернулась даже ни разу, хоть и знала, что он уезжает и извиниться не успеет, даже если и захочет. Грач не помнил, чтобы до этого хоть раз обижал её, да и сегодня это вышло случайно: просто у него был совсем паршивый день и совсем никудышное настроение.

Он был уверен, что следующим летом всё будет как прежде. Он приедет, и они снова будут играть и придумывать новые проделки. Купаться, веселиться, иногда ссориться, но всегда понимать друг друга с полуслова и дорожить друг другом не в глубине души, а открыто и радостно, гордясь своей дружбой и друг другом. Всё будет как прежде, думал Грач.

Но он ошибался.

Дорогие мои читатели!

Это мой первый роман в подобном жанре. Писала-писала молодёжные рассказы, и вот решила попробовать замахнуться на роман. Поэтому очень нужна ваша поддержка!

Кто не знаком с моим творчеством, можно почитать рассказы в схожем жанре, чтобы знать, чего ожидать от романа.

Это будет лёгкая летняя история, совершенно без

фэнтезийной составляющей)

Давайте продлим лето вместе =)

/Нелли/

– Вот гад, да? – пожаловалась я своему большому мейн-куну, который гордо восседал рядом и от нечего делать глазел в монитор.

Этого зверя мне подарил бывший парень. Парня в итоге я бросила, а кота оставила себе – он стал мне поистине родным, хоть поначалу и было страшно засыпать, а просыпаться и видеть, что этот здоровенный кот смотрит на меня. Наверно, бывшему тоже было страшно, и потому на кота он и не претендовал.

Кота звали Кот – так назвала его, понятное дело, не я. Но, кажется, ему до своего имени дела не было, так что оно таким и осталось. Кот попал в мой дом уже двухгодовалым, так что привыкала я к нему долго, но в итоге он стал настоящим членом маленькой семьи, состоящей из одной меня и него.

Котов бывший парень, вообще-то, не жаловал, но этого притащил по одной весомой причине.

– Он на тебя похож. – Заявил тогда влюблённый парень. – Глаза зеленющие, сам рыжий и морда умная!

– За умную морду, конечно, спасибо, – ответила я тогда, поглядев на хмурого кота, который был, казалось, не рад новым хозяевам. – Но я не рыжая.

Я, правда, не рыжая – у меня светлые волосы, и на солнце

действительно могут отдавать золотом, но в категорию рыжеволосых я совершенно точно не попадаю. А глаза, да, зелёные, но не как у кота, у него они куда ярче моих.

В общем, кот у меня прижился. И теперь глазел в монитор, а я пыталась поделиться своими эмоциями с этим безразличным животным.

– Ну, ты посмотри! – продолжала возмущаться я. – Это он специально! «Сам знаешь что» на вентилятор закидывает, чтоб меня позлить и на ругань развести! Видишь? – мой наманикюренный нежным персиковым лаком ноготь на миг ткнулся в монитор, указывая на непосредственно возмущившую строчку в комментарии под постом в социальной сети.

Кот, обладатель довольно флегматичного характера и вечно недовольной на вид морды, лишь нервно дёрнул хвостом и отвернулся, намекая, что ему не интересно.

– А вот не дождётся! – гордо решила я и закрыла окно с соцсетью.

На мониторе остался фотоколлаж, который меня попросили сделать на работе для юбилея нашего сотрудника.

Пока рука с мышкой механически дорабатывала коллаж, зазвонил телефон, и левой рукой я взяла трубку.

– Привет! – поздоровалась с подругой излишне резко.

– Привет! – хохотнула Иришка. – Ты чего, с Ангелом переписывалась, что голос такой злобный?

Я вздохнула. Ага, с Ангелом... Вот, даже Иришка привыкла, что по иной причине я злой не бываю. Да и с чего

бы? Всё у меня вполне себе хорошо: учёба идёт, подработка всегда находится, даже предстоящая сессия не пугает, а родители хоть и в разводе, но меня любят. Прекрасная у меня жизнь! На работе договорилась, что лето они как-нибудь без меня, а по осени вновь к ним вернусь – больно дачу люблю, природу и свежий воздух. Прямо не могу летом в городе находиться! Это у меня с самого детства так: если лето, то дача. Даже на море не с таким энтузиазмом собираюсь, как в родное Осётрино.

Вот сдам сессию – и уеду! И заодно отдохну от интернета и от Ангела.

Собственно, Ангелом он не был и, наверно, даже сам себя таковым не считал, ведь эту кличку придумала ему именно Иришка. Неспроста придумала, а по объяснимой причине: на аватарке у парня стоял арт, изображающий тёмные крылья, а ник был у него простой – «Мрачный».

– Мрачный Ангел, – сказала Иришка полгода назад, когда я впервые пожаловалась ей на этого ненормального.

– Унылый, скорее, а не мрачный, – поправила я. – И не Ангел вовсе, а клинический идиот! Ир, ты меня будто и не слушала вообще! Вот как можно такого назвать Ангелом? Даже если в шутку?

– Может, он падший ангел? – пожала плечами подруга и рассмеялась. – Да чего ты надулась-то? Смотри, ангел же, вон крылья... А реальные фотки есть?

– Нет, – угрюмо ответила я. – Думаешь, он меня в реале

знает и потому достаёт?

– Нелька, ты совсем уже, что ли? – продолжала веселиться Ира. – Типа кто-то по приколу завёл фейк и начал отслеживать посты, комменты под которыми ты читаешь? А потом писать там и злить тебя? Да у тебя, Нель, мания величия!

Мания величия? Может быть, Ира и права: на самом деле этот тип достаёт не лично меня, а просто так совпадает? Задумчиво почесала затылок.

– Я думаю, что это вообще из-за тебя! – поделилась версией я. Собственно, и начала говорить про этого Ангела, чтобы потом обвинить во всём Иру.

– Я-то тут при чём? – поразилась Ира, но это её ничуть не обидело, а лишь развеселило ещё пуще.

– Все ж думают, твой братиш, Гошка, – мой парень. А он у тебя крутой, вот его завистницы меня и доводят теперь! – пояснила я.

Эта версия мне нравилась, но зато Ира вечно пыталась опровергнуть её. Брат её, и правда, очень популярный в нашем универе, а со мной он дружит, так что, как знать – может, и правда, разбил кому сердце, а теперь достают меня!

Сама Ира была с виду скромна и ничем особенно не выделялась: удлиненное каре, тёмно-каштановые волосы и голубые глаза, по которым и не скажешь, что эта девушка не наивная скромница и вполне может и за себя постоять, и понаправившегося парня очаровать.

В мою теорию относительно Ангела она не верила. Вооб-

ще, после моего расставания с бывшим Ира, как нарочно, во всём могла усмотреть романтический смысл. Даже если кто из молодых людей просил у меня в маршрутке передать деньги, Ира сразу подозревала несчастного в симпатии ко мне.

И Ангела тоже подозревала. Хотя чаще говорила, что он вообще не имеет ко мне отношения и я всё сама себе придумываю.

Вот и сегодня она, стоило нам встретиться в универе, взяла у меня из рук мобильный и прочитала вслух последнее разозлившее меня сообщение в ветке комментариев под постом с призывом быть осторожней на дорогах из-за миграции лосей.

Нормальный пост. Городские жители обычно не относятся к этой опасности всерьёз, так что напомнить – не лишнее. Подумав так, я зачем-то под постом напомнила об ответственности за сбитое животное.

Я пожалела, что показала Иришке именно эту запись, но ничего более путного не нашлось, потому что надо было готовиться к лекции, а не выискивать мои переписки с Ангелом.

Жаль, что первый попавшийся комментарий от него был именно таким: не точно передающим то, что я хотела показать подруге.

Но она прочитала. И, как и следовало ожидать, не впечатлилась.

«Ага, шаз! Вот прям вызвал ментов и буду ждать, пока они

приедут, тушу увезут, а с меня штраф сдерут. Валить надо! Это любому нормальному человеку ясно: валить! Лось – не жилец после столкновения, а если есть возможность денежки побережь, то и не надо сопли разводить».

Вообще, справедливости ради, мне следовало бы ответить этому человеку, что при столкновении с лосем обычно автомобиль в таком состоянии, что свалить на нём уж точно не получится.

Или ничего не отвечать. Да, так тоже можно: просто не отвечать всяким ненормальным в интернете.

– И это тебе пишет так Гошкина тайная поклонница, взревновав, да? – потешалась Ира. – С чего ты вообще взяла, что Ангел тебя персонально вечно выбесить хочет? Он просто мнение высказывает, чего ты так реагируешь?

Сложно сказать, почему. Вроде слова и слова... Ну написаны, ну не совпадают с моим мнением... Но почему-то в каждой строчке я видела обращение ко мне лично... Словно этот неведомый мне человек постепенно узнавал меня в соцсети и пытался потом выбесить посильнее.

– Ты потише говори, – попросила я, воровато оглядываясь по сторонам: мы сидели за партой в огромной аудитории, было шумно и многолюдно, но мне не хотелось, чтобы кто-то слышал наши разговоры.

– Да и вообще прав он, – продолжала Ира, приблизив голову к моей и говоря почти шёпотом. – Я тоже считаю, что надо линять, если сбил лося!

Я вздохнула, но пояснять, что слинять физически невозможно, не стала, думая о другом: как же мне не везло с этим Мрачным! Вот сейчас это глупое сообщение про лося! Где-то же были у нас с ним и гендерные споры, и философские, и каких только не было, а как мне надо было показать Ире – так попадалось именно что-то в подобном роде – невнятное и неинтересное.

Эх, надо приучить себя скринить всё занятное сразу, чтоб не уходило и не терялось!

– Не в лосе дело. – Попыталась объяснить. – Это просто нормальное более-менее сообщение попало... А так вообще мы обычно так ругаемся! Хотя, я в последнее время уже не поддаюсь на провокации. Вон, про лося ни слова ж не написала! – гордо заявила я, и Ира посмотрела на меня, как на ненормальную. Так что мне пришлось постараться убедить её, что ненормальный тут Ангел, а не я: – Он вообще тот ещё псих: охотой увлекается, циничный, самоуверенный и вообще...

– Что «вообще»? – заинтересованно спросила Ира.

– Вообще не такой какой-то! – не смогла сформулировать точнее. – Вот нормальный человек охотой может увлекаться, скажи мне, Ир?

Пока подруга раздумывала над ответом, я нашла в профиле парня фотографию красивой пушистой лисицы. Фото явно из интернета, а подпись к ней гласила о желании Ангела заполучить такую шкурку в следующем сезоне охоты.

– Ну... – пробормотала Ира, пожимая плечами. – Ну так-то, может, и да, нафиг такого... Но он же к тебе в друзья не набивается, он вообще тебя не трогает...

– Он комментит только те посты, которые я читаю! – стояла на своём я.

– Ага, а он думает, что ты читаешь только те посты, которые он комментит. Признай, что просто у тебя и у какого-то идиота одинаковые интересы, вот и сидите в одних и тех же группах. Не знаком он с тобой в реале, Нель! Да и как бы он догадался, что Осетрина Рыбкина – это ты?

Я прыснула – даже не думала, что на слух мой никнейм звучит настолько по-дурацки.

Я выбрала его не случайно: посёлок, где располагалась моя любимая дача, носил название Осётрино – видимо, чтобы рыбаки сразу смекали, что рыбы у нас полно. Ну а Рыбкина – так в память о детстве, когда меня звали Рыбкой. Правда, так звал меня один единственный парень, но он и был для меня тогда дороже всех.

Просмеявшись, я вздохнула: вспомнила о Граче, которого не видела уже много лет и которого, пора было признать, больше и не увижу.

– Чего грустишь? Что с Ангелом в реале не знакома? – спросила Ира шутливо.

Про Грача она не знала, а я не рассказывала и не собиралась даже. Да и что говорить-то? У кого в детстве не было друга, который потом затерялся? Просто у меня это был осо-

бенный друг, и потому я нежно хранила в памяти воспоминания о нём.

– Сомова! – Обернулся ко мне знакомый весёлый мужской голос. – Чего зависла, как компьютер?

– Ничего, – буркнула я.

«Достал просто этот... Ангел!» – хотела бы ответить я, если б вопрос задала Ира, а не этот тип.

Кстати, доставал меня не только Мрачный. Был ещё один человек, развлекающийся подобным образом, но только в реале: Глеб Ивлев – мой одноклассник, который только что и обратил на себя моё внимание.

– Не выспалась, что ли? – спросил он, уже проходя мимо меня. – И правильно, ночь – не для сна! Я тоже не высыпаясь. – И подмигнул мне, отворачиваясь и здороваясь с кем-то другим.

– Может, это он? – спросила у меня Ира. – Ну вычислил твой ник как-нибудь и пишет теперь...

– Нет, – покачала я головой, провожая взглядом высокую фигуру Глеба. Идеальную фигуру, нельзя не признать. – Мрачный появился до того, как Ивлев стал на меня внимание обращать. Да и повадки разные: Глеб всё шутит, прикалывается, всё о любви или о пошлости, а Мрачный... Мрачный просто идиот! Другой категории человек, понимаешь?

В этот момент в аудиторию вошёл препод, и наш разговор остался незавершённым.

– Глеб, у меня сегодня такая тяжёлая сумка... – капризным голосом проговорила Нина, сидевшая сегодня впереди меня, и я притворно поморщилась.

Божечки, ну почему в такой огромной аудитории Ивлев всё равно умудряется оказываться рядом? На этот раз из-за Ниночки... Надо от неё подальше садиться.

Высокий парень с русыми, чуть выующимися волосами подошёл к девушке и присел на край парты, а затем глянул на меня. Как всегда безупречно одетый, с деланной неряшливостью в стиле: светло-голубые джинсы и серая приталенная рубашка, верхние пуговицы которой расстёгнуты и можно убедиться, что на груди имеется растительность. Впрочем, как и на предплечьях – их тоже было видно благодаря засушенным рукавам.

Серо-зелёные глаза внимательно изучали мой профиль: я демонстративно не смотрела ни на Глеба, ни на Нину. Не люблю таких людей! Таких, как заносчивый красавчик Ивлев, и таких, как Нина, у которых на лице не осталось ничего естественного, кроме печати глупости.

– Сомова, не грусти! Да, сегодня я не твой! – весело обратился ко мне Ивлев, дотянулся руками до моей ручки, схватил её и нарисовал на весь лист открытого конспекта размашистый смайлик с высунутым языком.

– Что делаешь, болван! – возмутилась я и, схватив тетрадь, замахнулась ей на парня, но тот ловко увернулся.

– Нелли... – привычный капризный тон Нины и взгляд из-под наращенных ресниц меня начинали нервировать. – Ну хватит детский сад устраивать! – и она поправила свои (хотя, вряд ли и правда свои) длинные белоснежные волосы.

Это она мне? Типа конспектом по башке – детский сад, а смайлики рисовать в чужих тетрадях – это умно.

– Детский сад давно прошёл, да, Сомова? Ты живёшь ведь взрослой жизнью? – спросил Ивлев, и я вообще не поняла, к чему это он.

– Тебе девушка намекает, что ей свою сумку до дома не допереть, так что не отвлекайся, – посоветовала я, кивнув в сторону Нины, а то и правда нехорошо как-то, что я невзначай на себя внимание Ивлева переключила. – А то счастье своё упустишь, – добавила я и усмехнулась, показывая своё отношение к тому, какое Нина «счастье».

– Я-то своё не упущу, – отозвался парень. – А ты? Нашла своё счастье?

Я вновь глянула на него непонимающе, и ему пришлось уточнить:

– Не всех на дорогих тачках до универа катают!

Ах, вот оно что!

Может, он ненавидит меня из зависти? Других вариантов нет – мы вообще мирно сосуществовали, пока однажды Глеб не заметил, как меня подвозил в универ отчим. Ревнует? Или

всё же завидует?

Точно-точно, до той встречи я как-то не замечала к себе повышенного внимания со стороны Ивлева!

Он, значит, невзлюбил меня за то, что он мне не нужен и при этом у меня якобы есть кто-то, кто богат? Ох, Глеб, зря переживаешь! В нашем универе практически любая девушка твоя, если захочешь! Не стоит так переживать от того, что есть одна, которой ты противен.

Хотя... это как-то глупо... Парень, с которым у меня нет отношений, ревнует меня к моему отчиму! Вернее даже – к тачке моего отчима!

Пока я осмысляла это всё, мы с Ивлевым смотрели друг другу в глаза, и я ни капли не смущалась этого, уйдя в свои мысли. Даже не успела заметить, с каким выражением он глядел на меня, но зато подловила себя на мысли, что радужки у него всё же красивые. Жаль, такому болвану достались столь интересные глаза!

То, что мы заигрались в гляделки, заметила и Нина.

– Глебушка... – начала она, но я продолжила за неё:

– Дай хлебушка! – да, избито, но я не могла удержаться и говорила эту присказку каждый раз, когда при мне кто-то звал Ивлева ласкательным «Глебушка». А сейчас это был ещё и отличный способ уйти от странного разговора.

Ира, сидевшая рядом, тихо захихикала, а Нина печально вздохнула, поправив свои идеально уложенные локоны:

– Вот, Нель, посмотришь на тебя и не подумаешь, что ты

такая.

Капризный голос ей, надо признать, шёл. Довершал образ кокетливой избалованной девушки.

– Какая же? – решила уточнить я, с деланным любопытством поглядев на одногруппницу.

Пусть расскажет, какой я со стороны кажусь, может, хоть пойму, за что ж меня Ивлев невзлюбил.

– Вот ведёшь себя – детсад детсадом, а с мужчиной встречаешься ради денег.

Божечки, как всем тачка моего отчима-то в душу запала, прям вот помимо неё в моей жизни-то и нет ничего!

– А вот я считаю: главное – душа. – Одухотворённый голос Нины начинал подбешивать, но я твёрдо решила, что не стану никому ничего объяснять. – Крутые тачки – дело наживное...

– Ага, – поддакнула я, тихо добавив, склонившись к Иришке: – Тачки – наживное, ресницы и волосы – наращиваемое, а губы и брови – нататуированное...

– Всё материальное – это наживное, – продолжала Нина, делая вид, что не расслышала мой комментарий. – А красота... души – она неподдельна! – изрекла девушка, преданно глядя на Глеба. Видимо, чтобы он понял: ей он нужен и без тачки, и без денег – лишь бы был красив. Душой в смысле, конечно.

Впрочем, с деньгами у парня явно проблем не было, и я даже слышала, что и машина у него имеется, только он

по пробкам ездить не любит и потому катается в универ на маршрутках или такси.

– Пойдём, провожу, – услышала я пропитанный приторной нежностью голос Глеба, адресованный, понятное дело, не мне, и они с Ниной направились к двери, что находилась в конце аудитории.

Нина прошла мимо меня, гордо подняв голову, а Ивлев не упустил возможности задеть локтем моё плечо, ради чего ему пришлось изрядно выгнуться – я сидела не на самом краю.

Я обернулась на него, недовольная, поймала его взгляд – он тоже обернулся на меня, подмигнул, на что я презрительно фыркнула.

– Ну вот почему он ко мне прицепился, а? – спросила я у Иры в сотый, наверно, раз.

– Влюбился, – пожала плечами подруга. – Влюбился и ревнует.

Моя романтическая подруга, признающая эффектность внешности Ивлева, действительно верила в то, что он мог влюбиться в меня. Никакие аргументы против она не воспринимала всерьёз, а ненависть ко мне в серо-зелёных глазах парня явно игнорировала, поскольку это не вписывалось в её представление о происходящем.

– И потому меняет девушек как перчатки? – спросила я устало. – Чтобы я посмотрела и подумала: какой классный парень, всем нужен, заберу, пожалуй, себе! Бред!

– Ну не знаю, Нелька. – Пожала плечами Ира, собирая свои вещи в элегантную сумочку. Как только в неё всё влезает? Мне вот и моего рюкзака мало всегда... – Мужики – они странные. Вон, Нинка как рада, что он с ней пошёл! И не заметила, что он к тебе клеится.

Он не клеился. Я это знала и чувствовала. Здесь другое. Он не любит меня. Он ведь совершенно не замечал меня до того, как увидел, что меня подвозил отчим. С тех пор я часто ловила на себе его злые взгляды и даже начинала всерьёз побаиваться этого парня, со всеми приветливого, улыбчивого и обожающего красивых девчонок.

Тогда мне казалось, что он даже клеится ко мне, но это не вязалось с неприязнью, которую он неумело скрывал.

Но прошло время, и его неприязнь приняла несколько иную форму: более ярко выраженную, но почему-то подействовавшую на меня успокаивающе. Он стал открыто прикасаться ко мне... в смысле не сторониться, как прежде, а задевать плечами, локтями или невзначай толкать. Стал открыто вступать со мной в разговоры – бестолковые, несодержательные, раздражающие.

Словно он, наконец, поборол в себе ненависть, но зачем-то решил вечно быть рядом. Очевидно, затем, чтобы портить мне жизнь... Так, в память о своём сильном чувстве ко мне. Чувстве ненависти, которую смог усмирить, но не хотел отпускать.

Впрочем, на фоне Ангела Глеб был вполне безобиден. Но,

в отличие от моего интернет-оппонента, Глеба нельзя было просто игнорировать и закрыть на мониторе вкладку с ним.

– Он ненавидит меня, – сказала я Ире, на что подруга рассмеялась.

Она дособирила свои пожитки и встала, дожидаясь, пока и я соберусь.

Мы вышли на шумную улицу и пошли по тенистой аллее, что вела к оживлённому проспекту, где ходил общественный транспорт. Краем глаза заметила Глеба и Нину, которые усаживались в такси. Мне могло показаться, но Ивлев, прежде чем скрыться в салоне автомобиля, огляделся и криво усмехнулся, отыскав меня взглядом.

/Глеб/

Когда Глеб впервые увидел её, выходящей из салона знакомого дорогого чёрного автомобиля, первое, что ему захотелось сделать, – это схватить за плечи одноклассницу и как следует встряхнуть, а потом спросить, в своём ли она уме?

Он отлично знал того, кто сидит за рулём. Знал и ненавидел, как отныне мог ненавидеть и Сомову. Как же её там звали? Нелли, вроде бы, а может, и нет – до сего момента Глебу не было дела до неё, он не запоминал её имени и фамилию-то запомнил лишь потому, что какое-то время преподаватель по высшей математике доверял ему проводить переключку.

Он пригляделся к однокласснице, пытаясь понять, как и что могло привлечь во взрослом мужчине такую с виду простую девчонку. Самая обычная... Как она могла зацепить этого человека?

– Пока, Виктор, – весело бросила мужчине Нелли, тот опустил стекло, и девушка наклонилась к нему.

Поцеловала, наверно. Или нет. Глеб не видел, потому что не желал видеть.

Он решительно пошёл навстречу Сомовой, и та заметила его. Её зелёные глаза удивлённо распахнулись, а улыбка исчезла с лица – его паршивое настроение передалось ей с такой естественной лёгкостью, словно они были связаны

незримыми нитями.

Это странное ощущение пронзило Глеба, и он вгляделся в глаза девчонки. Красивые, умные и... немного напуганные.

Он замер, понимая, что выглядит сурово и этим пугает девушку. Надо было немного успокоиться и только потом подойти к ней. Нормально спросить, поговорить, объяснить... Она не может быть с Виктором, потому что такие девочки, как она, не западают на мужиков ради денег, а помимо денег в этом человеке ничего хорошего не было.

Виктор – та ещё скотина. Сомова ему подходит, как и любая, наверно... Но что она могла найти в нём? Глеб постарался припомнить: Сомова никогда не тусовалась в его компании, он никогда не встречал её в барах или на вечеринках... Вроде бы, она даже не гуляла с каким-нибудь нормальным парнем, которого бы Глеб знал, а знал он всех нормальных парней в универе и близлежащих районах.

Зелёные глаза глядели на него, испуг исчез из них, осталось лишь удивление.

Ивлев шагнул навстречу, понимая, что и так очевидно, что он направляется к ней, так что придётся как-то объяснить своё поведение.

– Глеб! – раздался звонкий голос Вики, и парень поморщился, как от боли.

Как невовремя! Теперь не подойти и не поговорить с Нелей. И теперь даже неудобно говорить о пороках Виктора, когда он сам, наверно, кажется Сомовой довольно пороч-

НЫМ.

– Глеб! – миг, и тонкая талия Вики оказывается в его объятиях.

Так обыденно, так дежурно, что он не испытывал от этого ничего, кроме раздражения из-за того, что всё невовремя.

Сомова выдохнула и прошла мимо, кивая в знак приветствия и смущённо пряча взгляд: кажется, она теряется, когда застаёт кого-то обнимающимися или целующимися. Так странно для девушки, которую подвозил Виктор...

Это движение ресниц, когда Сомова отводила взгляд, Глеб запомнил и проматывал в памяти. Так мило, скромно и глупо – это невозможно сыграть.

И нежный свежий цветочный запах, который оставила проходящая Сомова. Запах, сумевший пробиться через сладкий аромат Викиных духов, от которых Глеба уже тошнило.

Сомова показалась ему мелкой – по сравнению с ним и с Викой на каблуках так и было, Неля едва доставала парню до плеча.

Мелкая, толком не накрашенная, одетая в простую одежду и в синих кроссовках под цвет пальто – она показалась вдруг воплощением зла. Такого зла, которое очень удачно маскируется и которое просто так не распознаешь.

В памяти всплыло движение ресниц... Да, жуткое злое зло, даже он чуть не залип на такую стеснительную красотку! И это он! Бывалый вечный сердцеед и стойкий к любым жен-

ским приёмчикам! А сколько разбитых сердец всяких простачков на счету у подобных малышек? До простачков Глебу дела не было, но вот за себя стало обидно: как он мог не разглядеть за милой неприметной личиной подстилку Виктора?

Глеб автоматически наклонился и поцеловал в губы Вику, провожая взглядом Сомову и задаваясь вопросом: «Зачем она с ним?» Девушка так не походила на тех, кому нужны лишь деньги... Но это же Виктор! Человек, которого Глеб ненавидел всей душой! Виктор не может быть интересным и не может привлекать женщин чем-то, помимо денег!

Ивлев приобнял Вику, и они направились следом за Сомовой. Глеб продолжал смотреть на её спину в синем пальто и думать о том, что ему казалось: времена, когда молодых девушек интересовали взрослые мужчины с деньгами, прошли где-то в девяностых. Сейчас всем нравились такие, как он: дерзкие, наглые, но при этом умные и если не прям ведущие здоровый образ жизни, то точно следящие за собой. Не нищелюбы, разумеется, но вполне среднего достатка.

Но Виктор! Нет, это не укладывалось в голове Ивлева!

И в тот момент к нему подскочил поздороваться однокурсник, весело хлопнул по плечу и спросил насмешливо:

– На Сомову запал? Вика, следи за ним!

Короткое крепкое рукопожатие, и, не дожидаясь ответа, бодрый однокурсник переключился на кого-то другого.

Глеб глянул в лицо своей девушки: она восприняла совет серьёзно и теперь сверлила парня подозрительным взглядом.

– Что? – спросил Глеб раздражённо. – Пошли скорей, опоздаем! – и, чтобы замять тему, ускорил шаг.

Нелли затерялась в толпе, пропав из виду, но не покинув мысли Ивлева.

Она будет его.

Просто, чтобы досадить Виктору. И просто, чтобы доказать себе, что времена богатых дядек прошли – в моде вечные идеалы: молодость и харизматичность. То, что было у Глеба, и чем он прекрасно и беззастенчиво пользовался.

/Нелли/

Нашу группу привели в цех, где рабочие делали детали для тракторов, если те ломались. Зачем это было сделано, никто не понял. Наверно, чтобы многие сразу передумали изучать выбранную профессию и пошли на другие факультеты.

Нас привели на завод, в цех, где царил шум и, как показалось нам всем, хаос. Нам выдали страшные выцветшие синие халаты и девушек попросили повязать косынки, чтобы волосы не торчали.

В результате видок у меня получился тот ещё: в советские времена колхозницы и то выглядели привлекательнее того чуда, которое я увидела в отражении, когда проходила мимо зеркала.

Я не отличаюсь высоким ростом, и потому халат на мне смотрелся убого, а косынка выглядела смешно – нежно-розовая в белый цветочек. Ужас.

– Красотка, – шепнул мне Глеб, проходя мимо.

Я глянула на него. Ему тоже не шёл выцветший выдавший виды халат, и потому я ответила:

– Ты тоже красавчик.

Он усмехнулся и демонстративно оглядел меня, словно издеваясь. Я отвернулась и пошла к таким же несчастным,

как и я, девушкам, которые с ужасом взирали на себя в другое зеркало, к слову, мутное и пыльное, словно в него вообще сто лет никто не заглядывал.

Нас привели в какое-то небольшое помещение с настолько пыльными окнами, что можно считать, что без окон. Привели, предварительно дав расписаться в альбоме по технике безопасности. Общее правило было простым: никуда не ходить, ничего не трогать и не покидать пределов той каморки, где мы находились.

Там располагался местами пыльный, а местами свежеекрашенный станок по изготовлению валов, и все столпились вокруг него.

Мне это место не понравилось сразу, и потому я стояла не в первых рядах. Пусть те, кому это интересно, рассмотрят всё получше, а я так, для галочки поприсутствую.

Кто-то встал позади меня, причём так близко, что явно нарушил все возможные личные пространства. Кажется, он даже склонился ко мне, потому что я ощущала макушкой его дыхание, но не подавала вида.

Глеб.

Мне не требовалось оборачиваться, чтоб понять, кто стоит за мной, едва ли не прижимаясь. Видела, как девчонки строят ему глазки, и чувствовала его запах. Боже, я уже знаю запах Ивлева! Какой кошмар!

Мне стоило огромных усилий игнорировать его: настолько рядом, а мне и деться-то некуда. Он, поняв, что просто

так меня не проймёшь, подул на мои волосы.

Я сжала кулаки. Что он себе позволяет? Зачем он это делает? Хочет влюбить в себя таким странным образом? Влюбить явно из принципа, потому что я не нужна ему, это точно. Или не влюбить, а окончательно выбесить? Но для чего?

Ивлев подул вновь, и по моему телу пробежали мурашки, поскольку парень, казалось, ещё больше приблизился. Моё дыхание сбилось и стало неровным от близости этого человека, но я старалась, чтобы он не почувствовал моего волнения.

Каким же надо быть, чтобы так легко приблизиться, почти прижаться ко мне и заставить краснеть. Сам наверняка ничего подобного не ощущал ведь!

Он подул в очередной раз, и я резко обернулась на него, но тут же замерла, поскольку он оказался действительно настолько близко, что я упёрлась плечом ему в грудь.

– Прекрати, – процедила я сквозь зубы.

– Неприятно? – склонившись к моему лицу, прошептал он.

– Иди других очаровывай, – посоветовала я.

– Других не надо очаровывать – они уже очарованы мной, – ответил парень самоуверенно.

Я вздохнула, отворачиваясь. Ври-ври. Это в глупых фильмах мальчик-красавчик, на которого все вешаются, выбирает серую мышь, которой нет до него дела, и принципиально добивается её любви. Но я не серая мышь – это раз. Мы не

в глупом фильме – это два. И три – Глеб плохой актёр, и его отношение ко мне не скроешь за двусмысленными шутками и намёками.

Он продолжил стоять рядом, и я решила его проучить. Шагнула назад, прямо в его объятия.

Глеб на миг растерялся, но уже через секунду его горячие ладони легли на мою талию. Я вздрогнула. Конечно, от такого, как он, стоило ожидать, что долго растерянность его не продлится, но...

– Не бойся, я нежный, – шепнул Глеб, и я ударила его по рукам. Легонько. Но не потому, что заигрывала, а потому, что лупить его за то, что сама шагнула в его руки, как-то нелогично.

– Мне плевать, какой ты! – прошипела я. – Не подходи ко мне и не лапай меня!

Он посмотрел удивлённо и как-то... расстроено, что ли. Но отпустил и даже отошёл, сделав несколько шагов назад. С его ростом он и оттуда мог прекрасно видеть всё, что показывали... если бы не пялился на меня.

Я попыталась выровнять дыхание и прийти в себя. Глеб начинал всерьёз досажать! Хорошо хоть скоро лето! Сессию я сдам быстро – почти всё автоматом, а один экзамен досрочно, потому что не оставлять же несданным один единственный предмет на всю сессию.

Уеду на дачу. Там меня Глеб не достанет.

/Глеб/

С ней было сложно.

Рядом с Сомовой терялся весь охотничий настрой – вспоминался Виктор и вспыхивала ненависть к этой девчонке, мешающая нормально наладить отношения и понравиться ей. Как влюбить её, если хочется сразу всё высказать? Но высказывать нельзя. Если раскрыть все карты, то Виктору будет не насолить. Но отбить у него девчонку, как оказалось, будет непросто.

Глеб и сам не ожидал, что получится так сложно: обычно он всегда знал, что делать и как соблазнить понравившуюся девушку, но сейчас проблема и была как раз в том, что Нелли совершенно ему не нравилась.

Мелкая, не яркая, даже незаметная... Такая, что он вообще прежде не замечал её, да и теперь, бывало, с трудом выискивал в толпе. И это на техническом факультете, надо заметить, где представительниц слабого пола по пальцам перечесть! Прежде Глеб и подумать не мог, что девушка может затесаться и не выделяться среди десятков парней. Но Сомова одевалась так неброско и цвет волос имела такой обычный, что и, правда, взгляду не за что было зацепиться.

Но Глеб поставил цель и отступать не планировал – она будет его, потому что так надо. Хоть на одну ночь, но она

будет его! Назло Виктору, чтобы он знал, что заменим и ему легко изменят.

Поначалу всё так и было: Нелли сливалась с общей массой, но к удивлению парня вскоре он приноровился находить её быстро, но что с ней делать и как подступиться – не знал. Он и не предполагал, что ненависть к Виктору может быть столь сильной, что помешает его делу.

Желание соблазнить девушку ради столь неблагородной цели порой казалось ему подлым и гнусным, но потом он представлял, как будет рвать и метать Виктор, и принимался за воплощение своего плана вновь. Виктор точно будет в бешенстве! Но время не воротишь вспять, так что изменить он ничего не сможет!

Да и девушка – явно не наивная скромница, какой хочет казаться... Скольких она могла обмануть до того, пока не попала сама на удочку к Виктору?

Это придавало Глебу сил, и он вновь подходил к Неле. И вновь боролись два чувства, но чаще побеждала ненависть. Он вспоминал, как легко и нежно она общалась с подвозившим её Виктором, и девушка теряла для него всякую ценность, словно была осквернена присутствием в её жизни этого человека, и теперь рядом с ней было неприятно находиться. Наверняка Нелли замечала его истинное отношение к ней, и это ещё больше портило настрой.

Ивлев даже планировал отказаться от своей затеи, но почему-то уже не мог. Не мог пройти мимо, не задев локтем, и

не мог не заметить новый наряд и не поехидничать над ним. От этого он ощущал себя мальчишкой, да и Неля часто вела себя как подросток. И он уже начинал привыкать к тому, что если кто-то звал его «Глебушка», то непременно слышался тихий голос Сомовой, добавляющий «дай мне хлебушка».

Злое зло, таившееся, как казалось Глебу, в глубине зелёных глаз, пока не выдавало себя, но парень всё чаще ловил себя на мысли, что ищет этот взгляд... Разумеется, исключительно ради того, чтобы убедиться, что во взгляде этом спрятано зло.

/Нелли/

Сегодня Глеб превзошёл себя! Я уже как-то привыкла к его поведению, но обычно его шутки не оборачивались для меня проблемами.

Но в этот раз с самого начала стало ясно, что добром дело не кончится.

Я мчалась по коридору, стараясь успеть попасть в аудиторию вовремя. Даже раньше попасть, чтобы всё точно было нормально, но меня задержал Ивлев.

– Красотка, погоди, – он поймал меня за руку и остановил. – Куда спешишь? Перерыв ещё долгий, давай поговорим, пообщаемся, а?

– Ты спятил? – вырвалась я, но дорогу парень всё ещё преграждал. – Этот придурок Кузнецов ясно сказал – кто первый сдаст курсовую, тому её защищать не надо!

Кузнецов и правда был тем ещё уродом. Молодой преподаватель, который ставил глупые условия по сдаче курсовой работы. Кто сдаст первым, мог быть освобожден от защиты. При этом сроки оговорены не были, а условия свои он сообщил лишь на прошлом занятии, хоть задания на курсовик раздал давным давно. По всему выходило, что первым будет лишь один человек, и об этом мне сказала сегодня Ира:

– У вас же там башковитые есть, не ты одна, – сказала она, когда мы обедали в столовой. – Вот кто-нибудь из них подойдёт к вашему Кузнецову и сдаст раньше, чем пара начнётся.

– Думаешь, так можно? – спросила я наивно. – Пара же сегодня, не логично принимать того, кто придёт чуть раньше, чтобы опередить остальных. Читерство какое-то.

– Сама же говорила, что Кузнецов – придурок лопаухий. К такому как раз и подойдут пораньше, а он и примет.

Я вздохнула, а через минуту неслась к аудитории, где заседал Кузнецов, но напоролась на пристающего Ивлева.

Глеб отнял у меня время, но потом быстро пропустил, узнав, куда я спешу.

– Потом поговорим? – спросил он, широко улыбаясь.

– О чём с тобой говорить? – спросила я, намереваясь убежать, но наступила парню на ногу. Хотела извиниться, но не стала, решив, что не сделала ему больно.

– Постой! – потребовал он, ловя мою руку вновь. – Наступи!

– Зачем это? – спросила я торопливо. Было совершенно

не до его глупостей!

Руку из его вырвать не удавалось.

– Чтоб не поссориться – все так делают! – ответил Глеб.

Я посмотрела на него насмешливо:

– Куда уж сильней-то ссориться, Ивлев? – и, когда он ослабил хватку, высвободилась и побежала по коридору дальше.

Парень если что и ответил, то я не услышала, спеша к Кузнецову и испытывая странное волнение от этого короткого общения с Глебом. Наступить, чтоб не поссориться... Последний раз, наверно, слышала эту фразу от мальчишки на даче, с которым дружила. Грач действительно дорожил нашей дружбой...

Но и Ивлев, как оказалось позже, был совершенно точно прав: надо было наступить, а то и правда есть, куда ссориться сильнее.

Домчалась я до аудитории, влетела в неё и увидела лопоухого невысокого молодого человека, который и преподавал у нас первый год. Кузнецов.

– Вот, – сказала я, тяжело дыша, – посмотрите курсовик? Чтобы я переделать успела, если там очевидные промахи.

– Посмотрю, – ответил он. – Присаживайтесь.

Он указал мне на парту перед собой, и я села, протянув ему пояснительную записку. Вынула из тубуса чертежи и тоже разложила перед ним.

Он изучал всё долго или просто делал вид. Рассматривал, вчитывался, а потом, наконец, изрёк:

– Всё отлично, – сообщил он. – Давайте защищать.

– Что? Как защищать? – подскочила я. – Ведь вы же говорили, что первому можно без защиты?

– Да, – кивнул он. – Но студент Ивлев опередил вас. Он заходил ко мне на прошлой паре и сдал безупречный курсовик.

Я уставилась на Кузнецова округлившимся глазами и постаралась успокоиться. Ладно, допустим, Глеб и правда опередил меня, но ведь опередил всего на немного! Фактически мы завершили и принесли работы одновременно, только он оказался хитрее меня и отыскал препода, не дожидаясь пары!

– Но... – пробормотала я. – Так нечестно! – привела я слабый аргумент.

– Почему? – сделал вид, что не понял Кузнецов. – Условие было, принести первым, он и принёс.

– Да, но... – растерялась я, не зная, как сказать. – Но ведь он просто пришёл в неурочное время. Я даже не знала, что так можно было!

– Победителей, как говорят, не судят, – философски произнёс эту глупейшую фразу Кузнецов, и мне стало очень обидно.

И за то, что победитель – Ивлёв, и за то, что Кузнецов отказался принять у меня работу без защиты, что я расценила именно как глупое упрямство молодого препода, который не может позволить себе отступить от своего нелепого, не до конца сформулированного условия.

– Итак, защищаемся? – спросил он.

– Нет, – ответила я, собирая свои чертежи. – Я не готова, я рассчитывала, что буду первой. – Честно призналась я. – Потому что после того, как вы озвучили условие «сдай первым», это первая ваша пара!

– Но ведь защита – это не сложно, – парировал Кузнецов, закрывая мою пояснительную записку и откладывая её в сторону. – Если вы сами делали работу, то легко ответите на любой вопрос. Или вы делали не сами? – он лукаво глянул на меня, а с этого момента я начала его ненавидеть.

Конечно, я делала сама, лопухий хорёк! Но, конечно, я

не отвечаю на теоретические вопросы, потому что делала эту работу не вчера, а как только получила задание! И я могла бы принести её уже давно, если бы кое-кто позаботился и с самого начала выставил своё условие!

– Сама. – Отчеканила я, наверно, скрипнув зубами. – Но к защите сегодня я не готова.

– Тогда в следующий раз оценка будет на балл ниже, – нагло заявил Кузнецов.

– Чего? – переспросила я уже почти злобно.

Этот гадёныш, сам недавно закончивший универ, вёл себя так, словно он был намного старше и опытней меня, словно не понимал, что студентка, регулярно посещающая занятия, делала работу сама и заслуживала автоматической оценки ничуть не меньше, чем раздолбай Ивлев, всего на пару часов опередивший меня.

– Вы принесли курсовую работу, – начал выпендриваться Кузнецов, – значит, должны быть готовы к её защите.

Я вздохнула и стиснула кулаки. Ничего, Вселенная тебе, Кузнецов, за меня отомстит! Потому что Вселенная таких уродов не любит!

Отступать было некуда, а рисковать потерять повышенную стипендию отличницы я не могла.

И я начала отвечать на теоретические вопросы, которые порой вообще не имели отношения к курсовой, но мои замечания по этому поводу Кузнецов благополучно игнорировал.

В итоге всё получилось, как нельзя хуже, ибо настроение

моё было уничтожено, а препод поставил мне трояк.

Впрочем, как потом стало известно, Вселенная его наказала – он почти всё лето провёл в больнице, но к тому моменту, как мне стал известен сей факт, я подумала, что жизнь руками Кузнецова проворачивала важную аферу, и препод был лишь инструментом для того, чтобы всё сложилось так, как сложилось в итоге. Но, надо признать, на тот момент я была в бешенстве.

Негодяй Глеб! Я ведь всегда замечала, что он меня недолюбливает, но чтоб так... Из-за этого противного парня я осталась без стипендии... Не только без повышенной, а вообще без неё... И почему-то была уверена, что это всё подстроил сам Глеб! Конечно, такой лопоухий никчёмный препод не смог бы противостоять Ивлеву, вот они и сговорились против меня...

– Наступи? – предложил мне Глеб спокойно, когда я выходила из универа, злая, обиженная и растерянная одновременно.

А этот наглец стоял со своей Любой и всё равно, заметив меня, не смолчал.

– Наступить?! – возмутилась я, подходя ближе и игнорируя его очередную подругу. – Ты в своём уме, Ивлев? Наступают в ответ, если хотят не посориться, а я тебя ненавижу просто! Я готова разругаться с тобой так, чтобы больше никогда не видеть и не слышать, понял?!

В ответ на мою пламенную речь он посмотрел на меня рас-

терянно. Впервые видела его взгляд таким и потому на миг растерялась. Но напредила себе, что он корень моих бед, и нахмурилась.

– Ты чего, Сомова? – осторожно и как-то опасливо спросил он, склонив голову набок. Видимо, привык, что я легко принимаю его шулки и теперь не мог понять, отчего злобствую.

А всё, Глеб! Шулки кончились! Отныне ты мой враг!

– Ивлев, ты зачем полез сдавать курсовик тупому Кузнецову? – спросила я прямо. – Ты никогда не сдавал всё первым, всегда сдавала я, и ты это знал! А сейчас зачем-то обошёл меня на повороте, и этот придурок поставил мне три! Из-за этого у меня не будет стипухи!

Люба подошла и обняла руку Ивлева, посмотрела ему в лицо и спросила капризно:

– Что случилось, дорогой? – она неприязненно покосилась на меня, но меня уже было не пронять подобными взглядами!

– Твой хахаль отнял у меня стипендию! – ответила за него я. – Отнял, потому что ненавидит меня!

Да! Пусть знает, что я знаю! Он ненавидит меня, и мне даже не интересно, за что!

– Погоди... – попросил Глеб, продолжая смотреть на меня растеряннo и теперь даже как-то виновато. – Слушай, я не собиpался ничего тебе портить, Нель... Мне просто в этот раз тоже надо сдать всё пораньше, – он смотрел мне в гла-

за, и от участливого взгляда серо-зелёных глаз начинала кружиться голова.

Ивлев не может так смотреть на меня. Он ведь ненавидит! Я точно видела это раньше! Неужели так привыкла к его вечному присутствию в моей жизни, что не заметила, как он стал относиться ко мне добрее?

Что за чушь! Какое добрее! Он только что подписал приговор моей стипендии!

– Тебе в этот раз просто захотелось подставить меня! – уверенно ответила я.

– Это не так, – твёрдо ответил Глеб, и мне не показалось, что он врёт.

Но такой сердцеед, как он, наверняка отлично умеет врать.

Я вздохнула, а Люба заполнила повисшее молчание:

– Сомова, ну сама-то подумай: Глебу что, больше заняться нечем, кроме как о тебе думать! Наверно, и правда, надо пораньше всё сдать! Может, на Мальдивы уезжает по горячей путёвке или ещё как? – и она посмотрела на него с надеждой и обожанием, ожидая, видимо, что он скажет: «Да, дорогая, это должен был быть сюрприз: мы едем на Мальдивы. Только ты и я».

От её взгляда я поморщилась брезгливо. А она, словно в подтверждение моих мыслей, продолжила:

– Может, и мне стоит сдавать всё пораньше, а? – и провела пальцем по открытому участку груди парня: рубашка Ивлева

у ворота была расстёгнута на три пуговицы.

Я отвернулась, решив уйти, потому что вообще не собиралась ничего высказывать Ивлеву, но раз уж он сам начал разговор, то пришлось. От этого я чувствовала себя некомфортно, тем более что Глеб прикинулся милым и невиновным.

– Наступи, Сомова, – донеслось мне вслед. – Не хочу я с тобой ссориться! Ты ж страшна в гневе! Да и не в гневе тоже!

Я передёрнула плечами и даже не обернулась. Ивлев – такой Ивлев! А ведь на миг я поверила, что он и правда не желал мне зла! Чёртов притворщик! С ним стоит держать ухо востро!

И что теперь делать? Стипендия у нас в универе получалась большая: превышала зарплату многих простых работников, в том числе и мою. Университет был связан с обороной, и всякие министерства щедро поощряли хороших студентов прибавками и доплатами. Да ещё и декан сразу заметил меня и вечно номинировал на всякие премии. Конечно, он не обрадуется моей тройке и, конечно, заставит меня пересдать, а Кузнецова вынудит поставить пять, вот только... Как назло, декана не было и не предвиделось до конца сессии: укатил куда-то по своим делам. Так что оценку-то исправят, на дипломе не отразится, а вот стипендия всё равно в этот раз пройдёт мимо меня... Остаться без такого источника дохода – сверхобидно. И несправедливо.

Без работы и без стипендии я не протяну всё лето... Вернее, мне самой бы вполне хватило накопленных средств, но хотелось кое-что отремонтировать... Мы с мамой не ездили на дачу уже много лет – с тех пор, как умерла бабушка. За это время постройки обветшали, а на восстановление мама денег не давала. Она вообще грозилась дачу продать, но благо после развода у неё сразу появился богатенький кавалер, и они после наших с мамой ссор из-за Осётрино спокойно съехали жить в загородный дом, который Виктор широким жестом оформил на мою мать.

Мне вообще казалось странным, что человек способен вот так сразу и навсегда влюбиться во взрослую женщину, у которой ещё и дочь на руках. Но как бы подозрительно ни было, жили они вместе уже давно и скоро даже собирались отмечать десятилетие совместной жизни.

За это время они ругались лишь один раз – из-за меня. Вернее, из-за Осётрино и решения продать дачу. Видя, что я очень не хочу терять любимое место, Виктор через подставное лицо выкупил дачу у матери и переоформил на меня. Маме это не понравилось, но со временем она смирилась и даже находила такое решение Виктора мудрым и щедрым.

Виктор был хорошим и мирным, так что его утомляли мои склоки с матерью. Я вечно кричала, что мы с бабушкой любили дачу и это место так много значит, и что мама, если так не любит его, могла бы и потрудиться рассказать мне причины. На что мама заявляла, что дача её и что ей решать, как поступать с недвижимостью.

Тогда-то Виктор и решил вопрос, купив дачу для меня, а на маму оформив загородный дом, находящийся далеко от Осётрино.

Таким образом любимая дача стала принадлежать мне, только вот средств на её содержание у меня не хватало, а от этого становилось грустно: я провела здесь всё детство и самые лучшие воспоминания мои были связаны с этим местом.

Я вздохнула, закончив производить подсчёты на калькуляторе и признавая, что денег на ремонт даже крыши у сарая

у меня нет.

Оставался последний вариант: сдавать избушку. Она располагалась в дальнем углу участка и была довольно старенькой – служила временкой, пока не построили дом. Много не запросить: ни печки, ни техники в избушке не было, но всё же я надеялась, что какой-нибудь заядлый рыбак решит снимать такое жильё. Хоть посуточно – и то плюс. Рыбы в наших краях полно, так что можно попытаться найти непричудливого жильца.

И я, недолго думая, наваяла объявление и разместила его в интернете. Хотела и в соцсети, но не стала – а то напишет какой-нибудь знакомый или знакомая, с которых и деньги будет неудобно брать. А ведь всё затевается именно ради прибыли!

И я стала ждать, откликнется ли кто-нибудь...

/В далёкие счастливые годы/

– Почему Рыба? – спросила Неля у Грача на второй день знакомства.

Ей не нравилось такое прозвище. От него пахло болотом и затхлостью, запруженным водоёмом и... собственно рыбой. Девочка ничего против рыбы не имела, но хотелось бы ассоциировать себя с плавающим в воде красивым созданием, а не со скользким продуктом питания.

– Потому что ты сама хвасталась, что ты Рыба! – ответил Грач.

Он сидел на пирсе, накинув на плечи полотенце, и болтал ногами в воде, как и сама Неля, сидевшая по правую руку от него.

– Не Рыба, а Рыбы – знак так называется! – возмутилась девочка. – Знак Зодиака. Не знаешь, что ли?

– Знаю. – Ответил он. – И что с того?

– То, что имя у меня есть! – продолжала негодовать Неля.

– Не помню я его уже... – признался Грач как-то растерянно, но без толики раскаяния в голосе.

– Так вспоминай! – потребовала девочка. У неё было простое имя, и она по праву считала, что его не сложно запомнить.

– Очень надо! – фыркнул парень. – Рыба ты!

Он и правда не запоминал имён. Он много гулял по посёлку и с ним часто знакомились мальчишки и девчонки – он был общителен, но не мог запоминать имена всех. Да и зачем? Большинство оказывались скучными занудами. Или их родители оказывались скучными занудами. Но суть сводилась к одному: ничего интересного с этими знакомыми было не поделать, они даже не купались до тёплых дней лета!

«Рыба!» – в который раз попробовала на вкус это имя Неля.

Нет, так ей не нравилось категорически. Услышав из его уст вновь, она ещё раз убедилась, что «Рыба» – всё-таки слишком холодно и скользко, слишком гастрономично и слишком грубо. Но в целом сравнение с рыбой её устраива-

ло, тем более что и фамилия была подходящая – Сомова.

Надо было как-то подкорректировать только это прозвище, чтобы стало не таким жёстким. Нежнее сделать, поласковей... Чтоб прям слух радовало!

– Тогда уж Рыбка, что ли... – предложила девочка. – Ты ж мой друг. Друг ведь?

Друзья должны уступать друг другу. Вот, она уступит и разрешит забыть своё имя, а он пусть зовёт её так, как она предлагает.

Грач пораскинул мозгами и решил, что в чём-то подруга права. Она ведь зовёт его так, как он сказал – даже имя ни разу не спросила за столько времени... так что, пожалуй, можно было и пойти ей навстречу!

– Друг, – признал Грач спокойно: он не считал зазорным дружить с девчонкой, раз с ней веселей, чем с многими пацанами. – Ладно. Рыбка ты. Так пойдёт?

– Так пойдёт!

/Нелли/

Я всё чаще приходила к мысли, что не понимаю Глеба. Совсем.

Однажды я так ушла в размышления на тему, почему он меня ненавидит, что решила узнать мнение людей в интернете.

Глупейшая мысль. Но я тут же её реализовала.

«Почему парень без видимых причин обижает девушку?

Любовь, ревность или ненависть? Как определить?» – написала я у себя на страничке.

Ну как у себя? У Осетрины Рыбкиной.

И ко мне сразу пришёл Ангел. С небес практически спустился и сразу же ответил: «Хочет он тебя, вот и всё. Дай ему, и он отвянет».

Я вздохнула. Настроения ругаться с Мрачным не было, но всё же я ответила: «У Вас, Мрачный, смотрю, на всё один ответ».

«Это инстинкты, Осетрина, – было мне ответом. – Можешь не верить. Думай, что любовь или ненависть – ага. В любом конечном итоге он хочет тебя – либо заняться любовью, либо жёстко поиметь».

Я вновь вздохнула, но вновь ответила: «Думаю, у нормальных людей желания более разнообразны, да и мотивация поинтересней. Но спасибо за ответ, интересно было узнать мнение. Даже Ваше».

«Обращайся», – ответил Мрачный, после чего я удалила весь пост, поскольку Ангел окончательно испортил мне настроение и убедил в том, что понять Глеба я смогу только сама. Если захочу и буду пытаться. Но я не захочу и не буду.

/В далёкие счастливые годы/

– Грач! – крикнула Нелли радостно. – Смотри!

И она с разбегу бросилась в озеро с пирса, в воздухе поворачиваясь лицом к другу. Глаза зажмурены, нос зажат пальцами, но счастливая улыбка, от которой невозможно оторвать взгляд, сияет и выдаёт абсолютное счастье.

Поднялись брызги, крупными каплями осев на и без того мокрое тело Грача. Тот рассмеялся и тоже нырнул.

Рыбка в начале лета боялась прыгать, а сейчас сигала в воду наравне с ним. Грач считал это личной заслугой. Вроде как ей не страшно прыгать, потому что рядом он и потому что она хочет, чтобы он считал её равной себе. Это безумно нравилось осознавать.

Близились осень, и в воде уже плавали первые жёлтые листочки от берёз. Даже ветер шелестел листвой уже как-то совсем по-осеннему, и от этого хотелось купаться и купаться, чтобы успеть насладиться последними тёплыми деньками.

– Рыбка! – крикнул Грач, когда они плыли к берегу. – Пора выходить!

Он знал, что она будет купаться, не зная меры. Да и сам уже замёрз в воде и хотел пойти греться под благовидным предлогом заботы о подруге.

– Ну, Грач, ну давай ещё раз прыгнем, а? Последний! –

заканючила девочка, забираясь на пирс и оставляя на нём новый ряд мокрых следов.

– Прошлый был последним! – он постарался сказать это строго, как взрослый.

– А давай... – она задумалась: они уже как только не прыгали, придумывая всё новые и новые способы, но, кажется, разнообразие давно закончилось. – А давай за руки держась прыгнем, а? – предложила новую идею, и Грач вздохнул:

– Давай, но потом – на берег!

Они подошли к краю пирса, и Рыбка вложила свою ладонь в его. Ребята переглянулись и, не сговариваясь, прыгнули. Они вообще многое делали, не сговариваясь, – за это лето они отлично научились понимать друг друга без слов, тем более что их мысли зачастую совпадали.

Нелли часто потом вспоминала эти летние дни с Грачём и с тоской думала о том, что так, как он, её не понимал больше никто.

/Нелли/

Я шла по просёлочной дорожке в сторону дачи, весело припрыгивая. Так бывает, когда хорошее настроение: мне всё равно, что я уже студентка и даже уже не первокурсница – буду весело припрыгивать в любом возрасте, пока здоровье позволит!

Вообще, следовало волноваться – сегодня ко мне приедет человек, желающий снять избушку. Человек оказался шуст-

рым – написал в первые же часы после выкладки объявления, потом позвонил и настоятельно попросил удалить моё предложение со всех ресурсов, ссылаясь на то, что он снимет по-любому. Мол, ему прям очень надо и условия проживания не так и важны.

Наверно, от этого волнительно и не было: молодой человек говорил со мной вежливо и сумел убедить, что точно снимет избушку. Так что следовало лишь позаботиться о своей безопасности – приучить себя запираать двери на ночь и первые дни присматриваться к жильцу, чтоб понять, нормальный он человек или нет.

Мой позитивный настрой был сбит звонком от соседа – деда Василия. Он крайне не любил использовать мобильную связь, так что звонок этот насторожил, и я замерла на месте, принимая вызов.

– Слышь, дочь, – сказал он мне взволнованно вместо приветствия. – Тут к тебе какой-то охальник пробрался! Я его доской оглушил, но это оно ненадолго – ты приходи. Ментов звать или так погоним? Сегодня Кентич дежурит – могу позвать, коли надо!

– Ох! – только и смогла вымолвить я, бросаясь в сторону своего дома. – Это ж мой... жилец...

– Жилец– не жилец... – пробормотал в ответ сосед, не поняв меня. – Вроде жилец, жить будет.

– Я ему избушку сдавать хотела! Дед Василий, простите, что не предупредила! Он к вечеру приехать должен был, не

знаю, чего так рано... – лепетала я, несясь по дороге.

Как же неудобно! Причём и перед парнем, и перед дедом! Надо было соседу сразу рассказать о том, что сегодня ко мне приедет человек! Вот ведь я растяпа!

Моя давно не крашенная калитка оказалась не заперта, и я влетела в неё. Увидела Василия и метнулась к нему.

Прислонившись спиной к стене избышки, сидел парень, а вокруг него валялись две спортивные сумки с вещами. Он держался за голову, которую наклонил так, что я могла видеть лишь запущенные в густые русые волосы пальцы.

На первый взгляд крови в волосах не было – и то хорошо! Фух...

Я приготовилась к долгим извинениям и открыла было рот, но тут парень поднял голову и посмотрел на меня.

Слова остались невысказанными, у меня перехватило дыхание, и я просто часто заморгала, словно надеясь прогнать это видение.

Как так может быть? Наваждение какое-то...

– Ты? – почти хором переспросили мы друг у друга.

Первые минуты я не верила своим глазам и таращилась на парня, не зная, что сказать. Мой сказочно прекрасный избышкосъёмщик оказался моим знакомым, да ещё тем единственным, кого я ненавидела сильнее Ангела и Кузнецова вместе взятых и помноженных на сто.

Глеб Ивлёв.

В следующие минуты я перевела взгляд с серо-зелёных

глаз парня на его голову – взлохмаченные волосы придавали образу Ивлева какой-то особый шарм, словно я видела его в непривычной, домашней обстановке, только что проснувшимся и не успевшим причесаться.

– Вот, холодное принёс! – послышался голос Василия Петровича, который незамедлительно протянул Глебу пакет пельменей, покрытый тонким слоем заледеневшего снега. – Ты, парень, извини, что так... И ты, Нель...

– Да ничего, Василий Петрович! – развеселилась я, неожиданно испытывая облегчение от того, что извиняться не придётся. – Этому полезно!

Сосед оглядел нас, неуверенно кивнул, а потом ретировался, оставив меня с Ивлевым наедине.

Глеб приложил к голове упаковку пельменей и поморщился не то от боли, не то от холода, не то от чего-то другого.

– И почему же мне полезно, Сомова? – поднимаясь на ноги, спросил он и бросил пакет пельменей на траву.

Так, на ногах держится отлично, значит, не так и сильно его приложил дед Василий. Мог бы и посильней!

– Ну... – я даже растерялась: вроде же очевиден ответ, зачем спрашивать и заставлять меня его формулировать? – Во-первых, потому что в последнее время ты приносишь мне неудачи, а во-вторых, может, хоть пару дней отдохнёшь, а то ведь каждую ночь тебе не до сна...

Глеб шагнул ко мне, наклонился и посмотрел прямо в глаза, нагло усмехнувшись:

– Ревнуешь, что ли?

Я хмыкнула. Нашёл дуру! Мне он не нужен! Даже если и признать его красоту, то всё равно мне важнее, какой у человека характер и внутренние характеристики. Человек, как машина, тут начинка важна, а не внешний лоск.

А тут прям в пору оскорбиться: как можно считать, что мне может понравиться он?

– Да пошёл ты! – воскликнула я обиженно. – Из-за тебя мне и пришлось избушку сдавать! Может, это ты всё подстроил, а? Лишил стипендии, а потом приехал сюда? Влюбился – так и скажи. – Решила бить его же оружием, вдруг поможет.

Надежда хрупкая, но всё же интересно, что он станет делать, если я стану вести себя, как он? Провоцировать, шутить и подозревать в чувствах ко мне?

Но Ивлева оказалось не так легко застать врасплох. Он вообще не смутился, отчего я подумала, что совсем далека от истины, раз парень и глазом не моргнул.

– Девушек я обычно не стипендии лишаю, а кое-чего другого, – хмыкнул Глеб, нагло подмигивая мне. – А влюбляться... Даже вот не знаю, Сомова, чего и сказать, чтоб не обидеть. Не в моём ты вкусе, но чисто так, для разнообразия... я б, конечно, мог, но...

Мог бы он! Никто не сомневается!

Я насупилась, а потом усмехнулась: надо же, мы так и стоим около избушки и обсуждаем всякую ерунду, а ведь у нас

теперь есть проблема! Особенно у меня, потому что надо снова искать жильца! А сперва спровадить этого... Он ведь может и не уйти... Хотя, зачем ему жить рядом со мной? За последнее время ненависть в его глазах уже не так горела, но всё же он ненавидел меня – меньше, слабее, чем прежде, но ненавидел... Такие чувства не могут проходить бесследно!

Смутилась, поняв, что излишне долго молчу и излишне открыто смотрю в серо-зелёные глаза. Парень тоже посерьёзnel и тоже смотрел на меня, думая о чём-то своём. На скулах его заиграли желваки, и я подумала, что он злится на меня. В общем-то, есть за что, если так подумать...

– Ладно... – Я попыталась взять себя в руки и трезво взглянуть на ситуацию: – За удар по голове – прости... Это не специально, я не знала даже, что приедешь так рано и тем более что это будешь именно ты...

– Я тоже не ожидал тебя увидеть, – тихо признался он, и это прозвучало так искренно, как ничто никогда не звучало из этих уст по отношению ко мне.

Так вот каким бывает его голос, когда он не заигрывает с девчонками и не потешается надо мной! Неудивительно, что я не узнала его по телефону, когда оговаривала сдачу избушки!

Голос Глеба заставил меня вновь замереть. Замереть, чтобы запомнить этот голос и проанализировать свои впечатления: негромкий и спокойный, глубокий и какой-то, как говорят, бархатный. Никогда прежде не понимала, как это, но

теперь поняла: это как у Глеба, словами не описать.

Он разглядывал меня, смущая, и потому я нервно заправила прядь волос за ухо и вернулась к сути разговора:

– Слушай, давай не будем ссориться... – начала я и, смотря правде в глаза, добавила: – Не будем ссориться ещё больше... Просто разбежимся, и я найду себе нового жильца.

От моего прекрасного предложения парень заметно вздрогнул, будто опомнившись, и воззрился на меня с непониманием.

– Погоди, а я чем плох? – поражённо спросил он.

На полном серьёзе спросил. Аж морщинка меж бровей пролегла от сосредоточенности: он ждал внятного ответа. Будто на такой вопрос, да ещё под таким взглядом можно было дать внятный ответ!

– Ты? – глупо улыбнувшись, переспросила я. – Эм... Как сказать-то... Ну, ты – это ты... – Сформулировать не получилось, и я решила переложить это на него: – Да и разве ты хочешь снимать домик у меня? – Я даже пальцем на себя ткнула, чтобы он ещё раз посмотрел на меня и вспомнил, что я – это я, и нельзя хотеть снимать избушку у того, кого ненавидишь.

– Не хочу, – признался парень. – Но хочу снимать в этих местах, так что выбора у меня нет: все приличные дома уже заняты с осени. Осётрино – очень популярное место, если ты не знала. Твоё объявление появилось недавно, и я не собираюсь упускать этот вариант.

Не собирается он упускать! Ага, как же! Можно подумать, здесь только его мнение имеет значение!

– Так, Глеб. Всё, избушка не сдаётся, ясно? – Решила пре-

дельно чётко обозначить своё мнение я.

Он занервничал, и это было заметно: появившаяся спесь мигом улетучилась, парень вновь стал серьёзным и... настоящим.

Бойтся!

А пусть! Пусть знает, что я и другого жильца найду, а он останется ни с чем. Поделом ему, а то вечно мешал мне жить и, надо признать, вечно был на высоте!

– Не дури, Сомова! – воззвал к моему благоразумию парень. – Тебе нужны деньги или нет? Я заплачу втрое, если не станешь мешать приводить на ночь девушек, идёт? – и он подмигнул мне.

Девушек? Он собирается снять избушку, в ней тискать местных девиц и платить за это тройную аренду? Звучит мерзко, но... почему бы и нет? За мою избушку без удобств, техники и даже без печки никто не заплатит такую цену! А деньги нужны...

Да и, в конце концов, Глеб хоть заплатит, а неизвестный мне арендатор мог бы просто таскать к себе и девиц, и собутыльников, и ничего мне за это не перепало бы.

В сравнении с неизвестным мифическим бабником-алкоголиком Глеб казался не таким плохим вариантом.

– Хорошо, идёт, – сдалась я.

– Отлично! – парень явно был доволен.

Что ж... Его версия вполне смахивала на правду: посёлок наш довольно большой, но тихий, хоть популярностью все-

гда пользовался. Летом и осенью бетонные столбы пестрели объявлениями с предложениями о покупке или съеме дач. Неудивительно, в общем-то: вокруг шикарные сосновые леса, широкая быстрая речка с большим количеством разнообразной рыбы, озёра разнокалиберные разбросаны как по территории посёлка, так и по окрестным лесам. Красота, словом. И для детей свежий воздух, и для рыбаков раздолье, и народу много – скучать не приходится. Транспортная доступность, опять же...

Интересно, что именно привело сюда Ивлева?

Я оглядела парня. Не качок, но мышцы у него рельефные – это сквозь обтягивающую чёрную футболку заметно отлично. Возможно, этот парень решил провести лето в экологически чистом районе, сейчас такое модно... Может, он даже вегетарианец – это тоже сейчас в тренде...

Но всё равно было странно, что Глеб Ивлев с такой готовностью решил снимать избушку у меня. Он ведь совсем недавно ненавидел, презирал меня, и я это знала, хоть и не до конца понимала причин.

Может, удастся всё вывести? Понять, чем я ему не угодила?

Только казалось, что он это всё специально... Нет, удивление в первые минуты его было неподдельно, но вот остался он наверняка, чтобы сделать моё лето невыносимым!

Я разглядывала его руки: он держал в них сумки со своими вещами, и потому мышцы были напряжены... красиво

так напряжены. Опомнившись, я перевела взгляд на лицо Глеба и с удивлением обнаружила, что он смотрит на мои волосы, на макушку – с его ростом это было легко.

Я насторожилась, понимая, что не просто так он мной любуется. Парень заметил мой взгляд быстро.

– О, а у тебя в волосах гусеница! – обрадовал меня Глеб, и при этом сам тоже выглядел весьма радостным.

– Такними! – отреагировала я, передёрнув плечами: неприятные насекомые!

Глеб посмотрел на меня пристально, и я нахмурилась, недовольная и тем, что пришлось согласиться пустить такого жильца, и тем, что теперь этот жилец медлит с избавлением меня от гусеницы.

Парень всё же удосужился протянуть руку к моим волосам, и я даже не успела почувствовать прикосновение, как гусеница уже была в его пальцах. Глеб не нашёл ничего лучше, чем протянуть её мне.

– Вот. На. – Прокомментировал он своё действие, а я с отвращением покосилась на зелёную противную извивающуюся гусеницу и ответила:

– Выкинь, блин, её!

– Твоя гусеница, ты и выкидывай! – усмехнулся парень, но всё же стряхнул живность с пальца на траву.

Я прищурилась и спросила прямо:

– Я пожалею, что сдала тебе избушку?

Вопрос парня удивил, и он несколько секунд молча смот-

рел мне в глаза, отчего я даже смутилась и потупила взор.

– А я пожалею? – задал он встречный вопрос.

– Давай начистоту, – предложила я. – Деньги мне нужны, так что живи тут и развлекайся, как хочешь, только мне жить не мешай, ладно?

– Если ты про гусеницу, то не я её на тебя посадил, – попытался отследить мою логику Глеб.

– Я не про неё. Я вообще. – Постаралась объяснить я. – Ты меня ненавидишь...

– Так заметно? – поразился парень, перебивая.

– Ещё как! – хмыкнула и сложила руки на груди: рядом с Ивлевым было неуютно, хотелось отгородиться от него, чтобы он не смог пробраться в мой мир.

– Не переживай, Сомова, моя жизнь твоей касаться не будет... – Заверил он, но тут же уточнил: – По крайней мере, по моей воле. Ты говорила, тебе нужны деньги, так вот: плачу две тройных цены, если обещаешь, что не прогонишь меня до осени, чтобы ни случилось.

Что бы ни случилось? Какая чушь! Это же Ивлев – с ним у нас может случиться, что угодно! Я не уверена, что и сутки-то протяну с таким соседом, не то что лето!

А Глеб ждал ответа. Кажется, он считал наш разговор важным, а не абсурдным. Глубокое заблуждение!

– Чего? – опешила я. – Ты что, серьёзно?

– Да, – пожал плечами он. – А ещё я переколю все дрова, – он кивком указал на сложенные пирамидой начавшие под-

гнить чурки. – И вообще буду помогать всем, чем смогу.

– И что? Этого хватит, чтобы покрыть фразу «что бы ни случилось»? – поразила я его простоте. Вот поистине: простота – хуже воровства! – Ты в своём уме? Может, ты маньяк какой или... охотник?

– Не любишь охотников, приравнивая их к маньякам? – прищурился парень, отчего-то заинтересованно поглядев на меня.

Точно охотник. Или маньяк. Одна фигня, я такого точно выгоню...

– Не нужна мне твоя помощь и двойная тройная оплата! – гордо заявила я, вздёрнув подбородок.

Да, Глеб, это мой дом, и здесь твои приёмчики и твоё обаяние не помогут добиться цели!

– Нель... – надо же, по имени обратился! – Мне, правда, очень надо прожить здесь до осени... Ты не представляешь, насколько это важно.

Вот странный он человек! Всё же в его руках: можно жить здесь до осени, к чему всякие лишние договорённости? Жить и не бесить меня – всего-то! Тем более договариваться с Ивлевым казалось мне полным бредом: он достаточно непредсказуем, чтобы учудить нечто непростительное.

– Так живи до осени! – ответила я. – Не косячь и живи!

– Понимаешь... – он замялся, а потом сказал как-то глухо и неуверенно: – Вдруг кто-то будет против, что я здесь... – он посмотрел мне в глаза, но я всё равно ничего не поняла.

Псих. Как же трудно с ним разговаривать! «До осени»! Да я уже от него устать успела за этот разговор!

– Кто? Кто будет против? – угрюмо спросила я, Глеб начинал надоедать.

Если сейчас начнёт выведывать, есть ли у меня парень, я точно прогоню этого типа взашей, а то вдруг Ира всё-таки права...

– Ну ты ж не одна здесь всё лето? – спросил так, что я поняла: это важный вопрос.

Это начинало злить, поскольку выходило, что ему развлекаться можно, но сам он переживает, чтобы его не выгнали... мои ухажёры? Или мои родители? Или кто?

Я совершенно не понимала логику его вопросов, но решила не отвечать. Ни к чему ему знать про то, что родители ненавидят Осётрино, а парня у меня нет.

– Слушай, Глеб! Если будешь так мне мозги есть с каждым вопросом, я с ума сойду! Да, я живу одна здесь! – было нелегко признаться, потому что показалось, что опасно говорить Глебу такое, и потому я добавила: – Большую часть времени живу одна. Но, может, в отпуск мой парень приедет жить сюда. Или приедут родители, друзья или просто родственники. Но, поверь, уж к тебе-то они точно не станут ревновать и выгонять из избушки... – я прыснула, поскольку мне показалась смешной формулировка. – Как лиса зайчика!

Мне показалось забавным, и парню, вроде бы, тоже. Пока он не вставил свой комментарий, моё настроение даже улуч-

шилось.

– Мммм... – довольный Глеб улыбнулся. – Я уже зайчик, Сомова?

На это я презрительно фыркнула. Нет уж, на таких, как он, я не ведусь!

Оглядела его и обратила внимание, что он рукой массирует голову – то место, куда, видимо, пришёлся удар доски. Упаковка пельменей сиротливо лежала на траве рядом с тем местом, где Ивлев сидел. Надо будет вернуть пельмени Василию.

– Знаешь, Ивлев, я хотела ещё раз извиниться за соседа... – начала я.

– Так извиняйся, – он шагнул ближе, так, что я почти уткнулась бы носом в его грудь, если б не подняла голову и не отстранилась. – Рассказать, как симпатичная девушка может извиниться перед привлекательным парнем без лишних слов?

– Ты перебил меня! – возмутилась я, оттолкнув парня. – Я говорю: хотела извиниться! Хотела! Прошедшее время, смекаешь? Хотела, пока не увидела, что ты – это ты! – легко выкрутилась я.

– Меня, то есть, можно палкой по башке быть, а незнакомца нельзя? – притворно обиженно уточнил Глеб.

– Да! Тебя не только можно, но и нужно, может, хоть начнёшь думать прежде, чем говорить! – не осталась в долгу я.

Глеб улыбнулся мне и сказал то, чего я меньше всего ожи-

дала услышать:

– Наступи, – попросил он, выставляя ногу ближе ко мне.

Надо же, до сих пор помнит.

– Думаешь, наше полнейшее непонимание друг друга от этого пройдёт? – усмехнулась я.

– Как знать, – пожал плечами Ивлев.

Подумав, я легонько наступила носком своей балетки на его ногу. Вряд ли поможет, но хуже точно не станет.

/Глеб/

Сомова. Она снова попалась ему на пути. Причём именно сейчас, когда он только понял свою ошибку, и потому Нелли была не нужна ему больше.

Глеб лежал на мягкой кровати и смотрел в незнакомый деревянный потолок. Пахло древесиной и дачей – эти родные и с детства любимые запахи вводили парня почти в состояние эйфории. Но мысли не давали покоя.

Судьба словно издевалась над ним: он так старался быть ближе к Сомовой, и вот теперь жил рядом с ней, когда это больше не имело смысла.

Виктор – её отчим! Всего лишь отчим! Впрочем, это не убавило ненависти к ней, но потерялся смысл в соблазнении... И можно было бы вздохнуть спокойно и забыть Сомову, но... Как теперь вести себя с ней? У них сложились определённые отношения, построенные на его намёках и шутках, и сейчас прекратить всё это и стать серьёзным – это означало посеять в душе Нелли сомнения о несерьёзности его чувств. Решит ещё, что и правда влюбился. Ха! Этого только не хватало!

Нет уж, пусть думает, что всё, как прежде. Пусть всё и останется, как прежде. Да.

Глеб улыбнулся и закрыл глаза, вспоминая удивлённое

лицо девушки, когда она увидела его у себя на даче. Он признался себе, что ему нравится так общаться с ней – глупо шутить и заставлять краснеть, понимая, что она не воспринимает его всерьёз.

Иногда он любовался тем, как она смущается или сердится на него. Ей порой не удавалось скрывать эмоции, и это было потрясающе – как приз за особенно удачную шутку или подкол.

Она была не нужна ему, но как же приятно становилось, когда она подолгу смотрела в его глаза с укором, взывая к совести!

Пусть так и остаётся. Он найдёт, с кем скоротать время, а Сомова пусть будет тем, кто есть для него сейчас – забавной девчонкой, которую занятно доставать!

/В далёкие счастливые годы/

Неля и Грач познакомились случайно, но, как потом думала сама Неля, они обязательно пересеклись бы, потому что уж больно похожи оказались их интересы.

Это было давно, но вспоминалось до мельчайших деталей.

В такую погоду мало кто купался – рано ещё, даже лето официально не наступило. Неля, маленькая худенькая девочка, вышла за калитку, предупредив бабушку, что дойдёт до озера и только походит босиком по воде.

Она так и хотела – просто походить по воде. Но, как всегда, на озере находились старушки, которые плавают в лю-

бую погоду, и байдарочники, которые вечно колесят по озеру, тренируются. Глядя на них, всегда сложно устоять и не нырнуть в манящую прохладную воду...

Солнце светило ярко, пригревало и так и манило зайти поглубже и поплыть. Неля любила плавать и ждала открытия сезона так долго, что готова была бежать домой за полотенцем и купальником, как вдруг увидела мальчика, который тоже ходил по мелководью, закатав штанины до колен.

Он был старше её на вид, и потому, как она подумала, его отпустили сюда одного.

Парнишка походил по воде, потом вышел на берег и разделся, оставшись в трусах. Неля наблюдала за ним, завидовала, глядя, как он заходит в воду, и думала о том, что тоже так может. Плавать она умеет, вода не такая и холодная, солнце светит и пляж людный – так хотелось последовать примеру мальчика и тоже искупаться, а то как раз приближалась туча, и даже, кажется, где-то вдали гремели раскаты грома. Близились первая гроза в этом году.

Именно гроза и придавала Неле сил. Стоило убедиться, что и правда неподалёку грохочет гром, Неля быстро скинула с себя клетчатый сарафан и побежала к пирсу, с которого прыгал мальчик.

Он нырял смело, а брызги так сверкали на весеннем солнце, что можно было смотреть на них бесконечно, если бы не желание так же прыгать и оставлять точно такие же сверкающие капли на фоне солнечных лучей.

Неля пробежала по тёплому песку и чуть замедлилась, ступив на посеревшие за зиму доски пирса. Солнце и правда грело, так что доски тоже оказались тёплыми, и это было так приятно для ступней, замёрзших в непрогретой воде, что девочка с наслаждением прошла до самого конца пирса и замерла, ища взглядом мальчика.

Казалось, он пропал. Только пожилая женщина, бодро заходя в воду, окинула взглядом пирс и строго спросила:

– Дети, а вы с кем?

– Мы одни! – гордо ответил звонкий голос из-под пирса, и Неля посмотрела вниз.

Мальчик выплыл навстречу женщине, а та скривилась, недовольно прокомментировав:

– И куда ваши родители смотрят!

– А мы хорошо плаваем! И только у берега! – вновь легко и быстро отозвался парнишка, демонстративно нырнув.

Женщина ничего не ответила и тоже поплыла, недовольная и раздражённая. Неля тогда не считала, что её родители плохие или недостаточно внимательные к ней, и потому вообще не поняла, чем они испортили настроение незнакомке.

Парнишка тем временем вынырнул и ловко взобрался на пирс, не выходя на берег. Он подтянулся на досках и легко взобрался на них, Неля посмотрела и подумала, что тоже так может.

– Привет! – поздоровался мальчик. – Ты чего, правда, одна пришла?

Неля неуверенно кивнула. Ей казалось, что раз он старше, то может сейчас отправить её домой. Скажет, что не место таким малявкам здесь, и отправит. И ей придётся уйти.

Но он не собирался этого делать.

– Я тоже один, – признался он. – Потому что я большой. А ты почему?

– Потому что я плаваю хорошо, – ответила Неля гордо, немного поразмыслив. – Плаваю, как рыбка! Поэтому меня одну отпускают!

Соврала, чтобы он точно не отправил её домой. Потому что, стоя рядом с ним и видя его промокшие волосы, синеватые губы и трясущуюся от холода челюсть, Неля твёрдо решила искупаться и выйти, только замёрзнув ничуть не меньше, чем этот мальчишка.

Он разглядывал её, ничего не говоря, и Неля решила, что он греется на солнце. Она тоже искупается и тоже будет греться! Сядет на пирс так, чтоб ногами доставать до воды, и станет греться, чтобы волосы высохли и бабушка не догадалась о том, что внучка купалась.

Лучи солнца пробивались сквозь наползающую тучу и, казалось, становились ещё ярче и теплее, словно хотели успеть осветить и согреть больше в эти предгрозовые минуты.

Женщина бодро гребла к противоположной стороне озера, и Неля подумала, что очень хорошо, что парнишка вступился за неё.

– Меня Неля зовут, – представилась она скромно: ей очень хотелось подружиться с таким, как он, но мальчик выглядел старше, и потому закрадывались сомнения, что наверняка ему такие друзья не были интересны.

– А я Грач, – представился мальчик весело.

Неля, ожидавшая от него подвоха, нахмурилась, решив, что он подшучивает над ней. Она ведь ещё маленькая, над ней легко шутить!

– Грач – птица, а ты не птица! – заявила она уверенно.

– Ну и что? – поразился паренёк. – Фамилия у меня Грачинский, поэтому все зовут меня Грач, и ты зови!

Это порадовало Нелю, поскольку означало, что новый знакомый воспринял её всерьёз.

Девочка кивнула: ей, собственно, было всё равно, как называть его. Однако вот ему всё равно, как называть её, не было.

– Тебя как, говоришь, зовут? – переспросил он как-то небрежно, словно между прочим.

– Неля, – повторила девочка, отчего-то смутившись: мог бы и с первого раза запомнить, имя не частое, но достаточно простое.

– Странное имя, – признался Грач, поглядев на приближающуюся тучу и на то, как под ней посёлок уже накрыла тень. – Сложное.

– Ничего не сложное! – обиделась девочка. Ей её имя нравилось. – И вообще, ты будешь прыгать или нет? – спроси-

ла она строго, потому что гроза надвигалась стремительно и, если медлить, можно было не успеть искупаться вообще.

– Буду. А ты? – спросил Грач, хмыкнув.

– И я! – Гордо ответила Неля: она ныряет ничуть не хуже всяких мальчишек, даже если они старше её! Проблема была лишь в том, что Грач встал как раз около лестницы, что вела вниз, а девочка всегда прыгала с неё, потому что иначе было слишком уж высоко. – Но мне надо пониже, а ты встал тут и мешаешь! – призналась она.

– Плавать, что ли, не умеешь? – вновь хмыкнул Грач, и Неле показалось, что в этот момент он разочаровался в ней.

Она нахмурилась и подбоченилась.

– Умею! С рождения умею! Я по знаку – Рыбы! – похвасталась девочка. – И плаваю, как рыба, говорила же!

– Так прыгай тогда отсюда, Рыба! – и он толкнул её вниз.

Неля взвизгнула, когда холодные пальцы коснулись плеч, и продолжала визжать, пока летела в озеро. Ушла под воду и нарочно затаилась, чтобы вредного мальчишку проучить. Пусть знает, как маленьких обижать!

Неля проплыла под водой и беззвучно вынырнула под пирсом. Благо, мимо как раз грёб байдарочник, и от него шли волны, которые шумно бились о берег.

Вода оказалась обжигающе холодной, но чего только не сделаешь, чтобы поставить на место нового знакомого.

Несколько минут было тихо, потом Грач несколько раз позвал её по имени:

– Рыба! Эй, Рыба, ты куда подевалась?

А затем с оглушительным плюхом мальчик бросился в воду. Нырнул и, видимо, принялся искать её. Неля даже занервничала: гроза близилась, а они занимались какой-то ерундой! Так можно совсем не успеть поплавать, да и кто его знает, Грача этого: она его напугала, а он в отместку может и бабушке доложить, что она без спросу купается!

Пока Неля переживала и пыталась понять, правильно ли она поступила, Грач вынырнул. Принялся отфыркиваться и убирать волосы, которые прилипли к лицу. Распахнув глаза, он увидел под пирсом Рыбу и, заметив хитрое, но одновременно растерянное выражение её лица, всё понял.

– Не пугай так больше! – сурово посмотрел он на неё.

Это придало ей и уверенности, и симпатии к этому мальчишке: он не ругался, не грозился, а просто по-хорошему попросил больше так не делать.

– А ты не сталкивай меня больше! – не осталась в долгу девочка, поскольку всё-таки и обидно немного было.

– Идёт, Рыба! – вновь повеселел мальчик и предложил: – Давай поныряем, пока грозы нет!

Как хорошо в детстве! Словами: «Прости, пожалуйста, я больше так не буду» – можно решить любой конфликт. А в особых случаях можно обойтись и вовсе без слов, просто поняв, что никто никого обидеть не хотел.

И они стали нырять вместе. То одновременно, то по очереди, то с криками: «Смотри, как я могу!», то с чистосердеч-

ными признаниями: «Не, так у меня не получится!»

Было так весело, что их галдёж, наверно, слышало всё озеро. И за смехом и всплесками воды совсем позабылось приближение грозы.

– Гром гремит, вы не слышите, что ли? – раздался недовольный голос приплывшей обратно женщины.

Она выбралась на берег, сверля детей недовольным взглядом, и принялась вытираться большим махровым полотенцем.

– Вон, губы все синие! – продолжала она. – Быстро домой бегите, нечего в грозу у озера делать!

Тут она была права, и Грач проявил своё благоразумие: ничего не сказал в ответ женщине и лишь кивнул Неле:

– Пошли, Рыба, хватит на сегодня!

И за это девочка прониклась к нему особым уважением, признав, что он и правда большой и взрослый, раз вполне может и отпор давать, и соглашаться с теми, кто делает ему замечания. Неле показалось, что с таким другом было бы надёжно: с ним и не соскучишься, и в переделки не попадёшь. А что ещё надо для счастья девочке, которая не любит играть в девчачьи игры?

Она послушно выбралась на берег и отошла к камышам – оттуда тучи ещё не прогнали солнце, и можно было погреться и обсохнуть.

Грач тоже подошёл туда, на солнечный островок.

– Без полотенца ты? – спросил он, хоть ответ был очевиден.

– Аг-га... – ответила Неля, у которой дрожала нижняя челюсть, и оттого звуки получались странными и забавными.

– Завтра надо будет взять! – оптимистично ответил Грач, и Рыба улыбнулась: хорошо, что он говорит про завтра, значит, они смогут повторить сегодняшнее веселье! Если не заболели, конечно. Но кто в детстве задумывается о таких мелочах, как простуда? Или о таких неприятностях, как плохой прогноз погоды?

Они встретятся завтра, потому что этого хотят. А значит, им ничто не помешает!

Женщина ушла, а солнечный островок постепенно исчез. Стало совсем темно и совсем неудобно, словно резко наступил вечер.

– Чего домой не идёшь? – спросил Грач. – Тётка дело говорит: гроза скоро, домой надо!

– Надо волосы высушить, а то узнают, что купалась. – Ответила Неля, и сама удивилась, что голос стал нормальным: быстро согрелась.

– Так и знал, что тебя, малявку, не отпускали сюда! – победоносно изрёк Грач, на что девочка справедливо обиделась.

– Сам ты малявка! – огрызнулась она. – А я и правда отлично плаваю! Сам же видел – не хуже тебя!

Он и правда видел. И даже был поражён этим, только поражаться было особо некогда – шло веселье и останавливаться на глупые мысли времени не хватало. Зато теперь он посмотрел на неё уважительно. Да, мелкая, но и, правда, не ху-

же него. Грач был достаточно умён, чтобы не отрицать очевидных вещей.

– Ладно, Рыба, не дуйся! – рассмеялся он. – Пошли, я провожу! – примирительно сказал он: было бы глупо поссориться сейчас, после безудержного веселья и взаимного молчаливого прощения ошибок.

– А волосы? – напомнила Неля. – Их нужно непременно высушить!

Грач успел поднять голову к небу, как тут же гроыхнул гром. Раскатистый, оглушительный, вселяющий первобытный страх и трепет.

– Волосы твои сейчас всё равно намокнут – смотри, гроза идёт! – и он схватил Нелли за руку и потянул на себя. – Пошли уже! Некогда мне с тобой тут – обедать пора!

И Неле стало очень приятно, что, несмотря на риск опоздать на обед, Грач хотел остаться рядом и проводить домой. Она вновь глянула на тучу – та совсем загородила солнце, и стало как-то темно и неуютно на улице. Девочка даже порадовалась, что рядом с ней Грач – гроз она побаивалась, хоть при этом и любила их, поскольку они возвещали о том, что идёт лето: жаркое, весёлое, настоящее. А ещё перед грозами всегда вода тёплая – это ли не повод любить их, хоть они и пугают?

Неля поднялась и быстро пошла к дороге в сопровождении Грача. Он чувствовал себя большим и важным, ощущал, что должен позаботиться об этой мелкой, но смелой Рыбе.

Прежде он купался один вплоть до тёплых деньков, когда родители, проверив термометром температуру воды, позволяли своим тепличным чадам зайти в озеро. Теперь же Грач чувствовал, что настали новые времена! Пусть и мелкая, но такая подружка была очень кстати. Тем более она и правда плавала и ныряла отлично, как Рыбка.

Он провожал её молча, хоть настроение было и прекрасным. Но гроза вселяла странную смесь чувств в сердца детей, и потому было не до болтовни. Они оба смотрели на тучу, которая поглотила всё небо и по которой уже бегали вспышки молний – страшные, почти потусторонние, но всё равно беспредельно прекрасные.

Дождь собирался, но всё не мог начаться. Было ясно, что он вот-вот хлынет, даже ветер стих в ожидании ливня, которого всё не было.

Неля шла, показывая дорогу, но идти от озера до калитки было всего ничего, и потому постепенно девочка замедляла шаг. Надо промокнуть! Чтобы точно было оправдание мокрым волосам!

– Только ты домой не заходи ко мне, – попросила Неля, когда они подошли к калитке.

– Почему это? – прищурился Грач.

Вообще-то, с ним всегда с удовольствием знакомили и родителей, и бабушек с дедушками. Он был достаточно сообразительным, чтобы вести себя соответствующе: он мог стать заводилой в компании, порой бывал драчуном, но при необ-

ходимости всегда легко играл роль милого и примерно мальчика, на которого умиляются взрослые. Так что просьба Рыбы его озадачила.

– Мне нельзя с незнакомыми разговаривать, – пояснила она.

Грач рассмеялся:

– Глупая ты, Рыба! Это про взрослых говорят, а я ж не взрослый, со мной можно разговаривать!

Неле он не взрослым не казался. Купался один, вёл себя по-умному, рассудительно.

– Если ты не взрослый, то почему один ходишь? – спросила она у него.

Грач задумался: сам он себя считал вполне взрослым. Во всяком случае, точно взрослее этой малявки, но как объяснить ей, что он не тот взрослый, которых следует остерегаться, не знал. Более того, чем больше думал, тем яснее понимал, что, наверно, ей и правда стоило бояться его.

– Вот видишь! – победно произнесла Неля, приравняв его молчание к своей правоте. – Так что до калитки проводил – и всё!

– Ладно, – легко согласился он, и как раз в этот миг хлынул ливень, словно в туче резко что-то прорвало, и вода ринулась на землю.

Неля сразу съёжилась, вжала голову в плечи и кинулась открывать калитку.

– Ты завтра придёшь? – крикнул ей Грач.

– Приду! – заскакивая на участок, ответила Рыба. – И это... Спасибо, что проводил! – и она побежала к дому, а он прикрыл распахнутую калитку и зашагал к своему дому, бросив взгляд на типовой зелёный домик, возле которого раскинулась огромная берёза. Ветер трепал её ветви, и Грач тоже поёжился: стало совсем холодно и неуютно от этой картины.

Но берёзу он запомнил навсегда. Дома в посёлке все одинаковые, но около Рыбкиного высилась эта величавая берёза – вроде и не такая уж большая, но вокруг вообще не было деревьев, так что казалось, что это дерево древнее и могучее.

/Нелли/

Я достала из дровяника берёзовое полешко и вздохнула: берёзы, которую Грач считал ориентиром, больше не было. Впрочем, я не верила, что он не помнит дорогу к моему дому или не помнит моего имени. Думаю, ему просто нравилось принижать мою роль в его жизни. Хоть Грач всегда был парнишкой рассудительным, порой что-то у него в голове происходило, и он пытался сделать вид, что это я к нему привязалась, а не ему со мной весело, как ни с кем другим.

Я отнесла полешко и подпёрла им дверь на веранду, чтобы она не закрывалась, и дом проветрился. Придумали же делать окна во все стены, но глухие – как проветривать, не понятно!

Утро обещало жаркий день, так что я оделась легко – тонкое платье с цветочным принтом и босоножки. Красота! Пожалуй, столь тёплое лето на моей памяти было лишь в тот год, когда мы познакомились с Грачом. Или просто нам было так здорово вместе, что мы не замечали холода и купались целыми днями напролёт, отвлекаясь лишь на завтрак, обед и ужин?

Мысли о завтраке приведи меня к тому, что нужно сходить к бабе Вере за молоком. Не долго думая, я взяла из кухни пустую чистую банку и деньги.

Вышла на тропинку, ответвление которой вело к избушке, и посмотрела по сторонам, ища Ивлева. Его нигде не было видно. «Наверно, спит», – подумала я. А что ему ещё делать? Снял домик, чтобы отдохнуть, вот и отдыхает.

На рыбака не похож – не видела, чтоб снасти привозил с собой. Значит, он не рыбалке и, стало быть, в избушке. Это было и хорошо, поскольку можно не закрывать дом, раз он его как бы охраняет, но и плохо, поскольку Ивлеву я не настолько доверяла, чтобы оставить его охранять любимую дачу.

Поглядев на веранду, освещённую солнцем, решила ничего не закрывать, а то в ней будет потом, как в парнике.

Рассудив так, я отправилась за молоком – нужно было пройти по всей улице и свернуть в проулок. Совсем недалеко. Навстречу мне кто-то бежал, и я не очень удивилась, поскольку время не было ранним, многие уже давно бодрствовали. Человек неспешно приближался, и, стоило мне задержать на нём взгляд, как буквально сразу я узнала в этом человеке Глеба.

Надо же, не спит! И надо же ему бежать к дому именно по этой тропе и попасться мне на глаза!

Он был далеко, но я уже ощущала на себе его цепкий хитрый взгляд. Уже знала, что он не пробежит мимо молча и обязательно завяжет глупый разговор, во время которого станет упражняться в остроумии.

Он бежал, явно совершая утреннюю пробежку – нетороп-

ливо, глядя по сторонам и как-то... грациозно, что ли. Но я знала, что он заметил меня и следит за мной.

Решив, что сделаю вид, будто не замечаю его, я уставилась на овраг, что тянулся вдоль дороги и по бокам которого росли всяческие полевые цветы. Надо будет букетик собрать и поставить на веранде для красоты – бабушка всегда так делала, и эта привычка передалась и мне. Рвать цветы всегда жаль, но немножко можно. Для настроения и уюта.

О, этим и займусь! Авось Ивлев пробежит мимо и не станет останавливаться! Глупая надежда, но всё же... Не хотелось с самого утра общаться с ним!

Свернула к оврагу и стала собирать ромашки – стоят в букете они долго, и весь овраг в их белоснежных цветах – как раз то, что надо!

Успела сорвать лишь один, как услышала приближающегося Глеба. Его бег замедлялся, и, как и следовало ожидать, он остановился около меня. Я даже краем глаза могла видеть его белые кроссовки.

– Не на меня ли гадать собралась, Сомова? – раздался насмешливый голос.

Я вздохнула: не прошёл мимо. Что ж... Я повернулась к нему и вздрогнула: он оказался ближе, чем я думала. Усмешка на губах, любопытство в глазах и запах парфюма. Глянула на шею парня и заметила, что он часто дышит, а от ворота вниз идёт мокрое пятно – вспотел. Фу, божечки...

– Не смущайся, – продолжал издеваться он, – продолжай.

Как там: любит – не любит...

– Отвали! – попросила я почти вежливо. – Ещё не хватало цветков из-за тебя портить! Я, вообще-то, букет собираю!

– А-а-а, понятно... – прищурившись, загадочно произнёс он, и я не поняла, что ему понятно на этот раз. Не удивлюсь, если даже сбор букета он мог как-то приурочить к своей персоне.

– А ты бегаешь, значит? – тоже прищурилась я. Пусть думает, что у меня тоже какие-то странные логические цепочки в голове выстраиваются.

– Да, осматриваюсь, – весело подмигнул мне Глеб. – Населённые тут места – скучно не будет! Симпатичные у тебя соседки, я так посмотрел!

Я не ответила, потому что его похождения заботили меня в последнюю очередь. Молодёжи у нас много – это да, так что никто не сомневался, что Ивлёв сумеет и здесь найти применение своему обаянию.

Видимо, на моём лице было красноречиво написано, что я думаю по выше озвученному поводу.

Глеб бросил взгляд на мой одинокий цветок и потрусил дальше, потом обернулся и весело добавил:

– Не гадай на меня, Сомова, со мной ведь и так всё понятно, да? – и, не дожидаясь ответа, продолжил бег.

– Ага! – крикнула я вдогонку, глядя на вспотевшую удаляющуюся спину. – С тобой всё и так понятно – ты приду-рок, Ивлёв!

Он вновь обернулся, и я увидела, что он смеется и отвечать мне не собирается.

Вот надо ж таким быть! Всё настроение с утра испортил своей самовлюблённостью!

Я набрала букет и всё-таки дошла до бабы Веры. Купила молока и пошла обратно к дому, размышляя о том, что не стоило быть пессимистом и думать, что ко мне поселится бабник-алкоголик. Возможно, поселился бы симпатичный милый юноша, и сейчас я бы с удовольствием пришла и угостила его деревенским молоком.

Я шла и корила себя за опрометчивость, пока не решила, что Ивлев не стоит того, чтобы столько о нём думать!

Это мой заслуженный отдых, и стоило начать уже им пользоваться! Тем более июнь – самая прекрасная пора для людей вроде меня. Народу в посёлке много, но не так, как будет потом. Сезон отпусков не начался, студенты ещё только начинали сдавать сессию, так что я могла насладиться тем, что вокруг мало людей и можно почувствовать зарождающееся лето, ощутив всю красоту и тайну природы.

Дни шли, и ни один не проходил без участия Глеба. Оно и понятно, ведь он жил рядом и теперь имел массу возможностей досадить мне.

Прошло четыре дня с момента его заселения. Он частенько отсутствовал дома, да и я тоже, так что пересекались мы редко. Видимо, ходили в разные места.

Сегодня я отправилась на пляж, поскольку солнце нещадно палило. Да, не самое удачное время выбрала – как раз день и самое злое излучение, но загорать я никогда не любила, так что для купания погодка подходила как нельзя лучше.

Давно хотела открыть купальный сезон, ведь уже наступило лето и шли драгоценные дни! Но с приездом Ивлева настало и похолодание, так что пришлось отложить мой первый в этом году заплыв.

Пройти до озера не составляло труда – оно располагалось близко, и я добралась до него меньше, чем за десять минут. Остановилась и оглядела пляж: народу вроде много, но в воде – никого. Именно так, как я люблю!

Правда, пока я раскладывала вещи и раздевалась, прибежали дети и принялись прыгать в воду с пирса – прямо, как мы с Грачом когда-то.

– О, Неля, привет! – звонкий девичий голос меня сперва порадовал: люблю встречать старых знакомых.

Однако стоило обернуться, как радость от встречи прошла тут же: Маша, девушка, которую я всегда знала, с самого детства, стояла рядом с Глебом. Это мне сразу не понравилось, поскольку я была о ней лучшего мнения.

Ивлев, конечно, симпатичный парень, но не настолько же, чтобы не понять, какой он ветреный, наглый, излишне самоуверенный и излишне гордый! Мне казалось, у него на лице написано, что он не способен ни к серьёзной дружбе, ни к любви.

– Привет, Маш... – растерянно ответила я.

– Мы с твоим одноклассником уже познакомились! – весело сообщила она, на что мне пришлось натянуто улыбнуться.

– Здорово, – сумела найти ответ я. – А я вот купаться пришла. Пойду сплываю, пока народу мало. – Поспешила ретироваться, но не вышло.

– Народу больше и не будет, – ответила Маша. – Вода холодная ещё, не прогрелась. Градусов шестнадцать, не больше.

Я улыбнулась, вспомнив Грача. Он всегда потешался над теми, кого интересует температура воды.

– Мне норм, – ответила я. – Люблю прохладную воду, освежает.

– Я с тобой! – вызвался Глеб так бодро, что я не успела возразить, как он попросил: – Подождёшь?

Ждать его я не собиралась, да и купаться с ним – тоже.

Это Ивлев – тот, кого здесь вообще не должно быть! Он – инородное явление в этом посёлке и особенно в этом озере!

Но парень, не дожидаясь моего ответа, принялся раздеваться. Я невольно наблюдала за ним, сверля недовольным взглядом. Не хотелось посвящать Машку в наши с ним отношения, они казались мне странными и сложными – не всякий поймёт.

У Глеба и правда оказалось стройное сильное тело без излишне выпирающих бугристых мышц, так что смотреть на него было даже приятно, и мои эстетические чувства не пострадали. Я одёрнула себя: это практически мой враг! Ну не прям враг, но уж точно не друг.

Об этом он напомнил мне сам, глянув озорно и спросив: – Ну как я тебе?

– Отвратительно, – ответила я, продолжая считать, что он инородное тело в моих родных, почти святых для меня, местах.

– Не верю, – ответил Глеб, пожимая плечами и снимая джинсы.

Оказалось, что он уже в плавках. Подготовился к купанию заранее, значит. Потому что вряд ли он носит плавки в качестве нижнего белья.

Это меня удивило, но при этом немного успокоило: выходит, он полезет в воду не из-за меня. Не для того, чтобы произвести на меня впечатление или досадить, а просто по своему желанию, которое возникло до встречи со мной на

пляже.

– Вы прям моржи! – заливисто засмеялась Маша, при этом смотря на Ивлева и совершенно не замечая ни меня, ни моего упаднического настроения. – Никто не купается – все вон, лежат, загорают! Вода, наверно, ледяная. Подростки и то почти сразу ушли!

– Да брось! – бодро ответил ей Глеб. – Это ж реально классно – занырнуть в холодную воду и выйти на солнце потом! А что народу нет – так это особый кайф!

Я поджала губы, недовольная тем, что он высказал мои мысли. Зато стало понятно, зачем ему понадобилось заныривать – хочет привлечь к себе внимание. Как раз много девушек на пляже, и всем нечего делать, так что с удовольствием полюбуются на Ивлева, раз он будет в озере один. Ну не совсем один, а со мной, но я-то им вряд ли интересна.

Глеб по сравнению с Грачом казался исчадием ада: никогда не понимал меня и делал многое на показуху, а не от души. И самое противное было то, что мне в голову вообще пришло сравнивать этих двух совершенно разных парней! И не пришло бы, если б Ивлев не появился сейчас сюда и не стал напоминать мне друга детства тем, что решил искупаться.

– Отомри! – щёлкнул пальцами перед моим лицом парень, и я, глянув на него, встретила со смеющимися серо-зелёными глазами.

Весело ему!

– Пошли, Сомова! – поторопил он. – А то облака ходят, а я планирую окунуться хотя бы пару раз до обеда!

А вот так Грач никогда не делал – мы с ним купались до победного, до той степени замерзания, когда второй раз можно зайти в воду нескоро. Правда, сама я с возрастом стала купаться с перерывами, уже не получая того восторженного удовольствия, которое можно было хапнуть раньше от трясущихся посиневших губ и дрожащего тела.

Я пошла к пирсу и гордо прошествовала по нему, слыша позади себя присутствие Глеба. Мне не требовалось даже оборачиваться на него, чтобы точно знать: он идёт и улыбается, довольный как кот. И смотрит на меня, на мою спину или немного ниже – не важно даже. Мне всё равно хотелось его убить. Прямо здесь и сейчас. Хотя бы за то, что он ходит по пирсу, где мы ходили с Грачом. Да, непосредственно тот пирс давно сгнил, но всё равно... Вот почти также когда-то ранним летом мы шли с Грачом к краю досок, и тогда я не понимала, насколько счастлива.

Впрочем, Ивлев сумел удивить меня.

Я ожидала, что он столкнёт меня или будет долго болтать, прикалываться перед прыжком. Но нет. Он повёл себя так, словно меня вообще не было рядом: сиганул в воду первым – неожиданно, быстро, без предупреждений. Обдав при этом меня колючим водопадом холодных брызг.

Я замерла и посмотрела на то место в воде, от которого расходились круги. Парень ушёл под воду так, что его было

не видно. Говорят, так открывать сезон вредно для организма, но сама я всегда открываю его точно также – ныряю, а не проверяю воду и не привыкаю к ней постепенно.

Глеб проплыл под водой несколько метров и вынырнул. Так же резко, быстро и неожиданно, как и нырнул.

Я не смогла не посмотреть на него: большими ладонями он зачерпнул воду и умыл лицо, помотал головой стряхивая воду с волос и махнул мне рукой:

– Давай, Сомова! – крикнул он.

Улыбка непрошенной гостьей посетила моё лицо, и я подумала, что не будь это Ивлев, я прониклась бы сейчас к нему симпатией и уважением.

Я посмотрела на берег. Естественно, все наблюдали за Глебом. Вряд ли потому, что он такой уж красавец, а просто потому, что он единственный находился в воде.

Решив не думать о нём, а получить удовольствие от купания, я закрыла глаза и бросилась вниз.

Вода обожгла меня и, вынырнув, я рассмеялась, не сдержав восторга. Как в детстве прям! Те же потрясающие ощущения! Я чувствовала воду кожей и, казалось, что чувствую я саму душу этого озера и даже саму стихию воды – мощную, неукротимую, но словно молодую и только пробудившуюся из льдов, и оттого такую холодную.

Обернулась на Ивлева и прекратила веселиться, вспомнив о его существовании. Но в то же время стало интересно: а что чувствует он? Ощущает ли он то первобытное единение с

природой, которое чувствую я? Радует ли его этот обжигающий холод, который заставляет откликаться каждую клеточку кожи? Разделяет ли невыносимый и вечно не понимающий меня Ивлев восторг, который охватывал меня неизменно каждый раз, когда я открывала купальный сезон?

Моя душа кричала о том, что лето официально считается начатым! С этого момента, с этой секунды лето началось! Полноценное, прекрасное и полное приключений!

Это непередаваемое чувство отчаянно хотело быть отражённым в глазах Глеба, как когда-то отражалось в глазах Грача. Не потому, что мне вдруг стал симпатичен и важен Ивлев, а потому, что такая яркая эмоция обязана быть разделена с тем, кто по воле судьбы оказался рядом. Даже, если это Глеб.

Самое ужасное, что он меня понял. Впервые понял, и это отрезвило меня.

Знакомые серо-зелёные глаза зажглись неведомым ранее огнём. Или просто так падал солнечный свет, отражаясь в глазах Ивлева? Во всяком случае, я нашла в них отражение своих эмоций. Мне показалось, что Глеб и сам удивлён, смущён и растерян от того, что не может не смотреть на меня и не любоваться в этот момент моим восторженным взглядом.

Он не должен так смотреть. Я постаралась напомнить себе об этом, но парень помог мне и напомнил о том, кто он такой, сам.

– Хватит на меня пялиться! – посоветовал Глеб. – Ты по-

хожа на ревнивую бестию – всех девушек мне распугаешь.

Ох, отлично! А то уж было показался мне нормальным человеком!

– Сам распугаешь, не хуже меня! – ответила я весело. – Зря ты со мной плавать пошёл – теперь они все подумают, что мы вместе! – ехидно подметила я.

– Боишься толпы завистниц? – насмешливо спросил парень: да, его сложно смутить или подловить, так что надо запомнить на всякий случай тот его взгляд. Буду вспоминать, когда желание стукнуть Ивлева станет нестерпимым.

– Нет, завистниц не боюсь. – Не осталась в долгу я. – Боюсь, нормальные люди сочтут меня сумасшедшей, раз я с тобой связалась! – и поплыла от него, потому что холод перестал быть таким приятным и начал пробираться до костей.

– Значит, Сомова, ты сумасшедшая! – обрадовал меня Глеб, а потом вдруг посерьёзnel и сказал тихо и вкрадчиво: – Потому что ты и так со мной связалась. Или ты считаешь, то, что я живу у тебя, – это ты совершенно не связана со мной?

Я сделала вид, что не услышала. Что увлечена заплывом, и мне не до болтовни. Но на самом деле Ивлев был ужасно прав: да, мы связаны с ним. Не дружбой, не любовью и не какими-то иными тёплыми чувствами, а связаны из-за моего желания подзаработать и отремонтировать на даче хоть что-то.

Это было печально, ведь я собственноручно вписалась в эту авантюру, и теперь некого было винить в том, что Глеб

плавает в моём любимом озере, гуляет по моим любимым тропинкам и крутит романы с теми, кого я знала с детства.

Я плыла, стараясь отпустить все ненужные мысли. Вода всегда хорошо забирает их, что в душе в ванной, что на природе в реках и озёрах. Я плавала, чувствуя холод воды и вспоминала о том, как мы купались здесь с Грачом.

– Не грусти, Сомова, – раздался у уха голос Ивлева. Он плыл, оказывается, рядом, но почти беззвучно, на спине. – Все мы немного сумасшедшие – в этом и есть прелесть жизни и общения!

– Прелесть общения с тобой, Глеб, лишь в том, что хоть иногда ты молчишь, – честно ответила я. – Я и так устала от тебя в универе, а теперь ты ещё и здесь всё лето будешь прохода не давать. Ты снял избушку, но в ней можно жить, не пересекаясь постоянно со мной!

Это было тем, что я действительно хотела сказать. Ведь, если бы он снял дачу у кого-то другого, он не доводил бы этого человека и, скорее всего, вообще минимально пересекался с ним. Так вот я хотела быть не хуже этого человека и тоже видеть своего жильца лишь иногда и случайно. И ограничиваться приветствием и пожеланием доброй ночи.

Плавание не приносило тепла, и я понимала, что пора грести к берегу. Не хватало только простудиться! Тогда Ивлев точно будет всю жизнь мне припоминать, что один заплыв меня подкосил.

– Ладно, окунулись, и хватит, – вдруг заявил Глеб. – На

выход!

Я перевернулась и поплыла на спине, чтобы посмотреть на этого наглеца. Только один человек смел указывать, когда мне выходить на берег, и это был Грач!

– Чего смотришь, Сомова? – спросил он. – Фамилия у тебя рыбная, конечно, но вода холодная, выходить пора.

Я скривилась.

Дурацкая ситуация. Мне самой хотелось выйти, но теперь это было невозможно сделать, потому что Ивлев решит, что я его послушалась. Это было недопустимо из принципа!

– Блин, Неля, ты такая упёртая! – возмутился Глеб и быстрыми гребками поплыл ко мне.

Плаваю я отлично, но вот в скорости с такими, как Ивлев, соревноваться не могу. У него такие длинные ручища, что в его два гребка умещаются пять моих.

Удрать не получилось бы, и потому я осталась на месте, с интересом ожидая, что предпримет парень.

Он оказался рядом буквально через секунду. Схватил меня за руку и потянул к берегу.

Интересно, это он так заботится о моём здоровье или это очередная показуха? Если даже и заботится, то наверняка с корыстным подтекстом! Или и вовсе хочет, чтобы Машка видела, какой он заботливый и правильный.

В любом случае, такое проявление заботы неспроста.

И бесцеремонность поведения парня не позволяла мне порадоваться, что у меня столь внимательный жилец.

– Эй! – возмутилась я, вцепившись свободной рукой в его руку. – Отпусти!

– Не могу, – ответил он. – Заболеешь, понаедут твои родственники – а оно мне надо?

Вот оно что, значит! Заботится о том, чтобы его не прогнали и чтобы не нарушили спокойствие! Ладно-ладно...

Позволила ему дотянуть меня до берега лишь потому, что и правда было пора выходить, да и болеть не хочется из-за этого Ивлева!

– Вот, – сказал он, отпуская меня на мелководе. – Не надо выпендриваться, Сомова, ради того, чтобы произвести на меня впечатление. Я с Машей, если ты не заметила.

Поднявшись из воды, я готова была гневно ответить, но поняла, что фраза сказана не для меня, а для Маши, которая подошла к нему и принесла полотенце.

Решила не отвечать ничего, а то ещё Маша нафантазирует себе, что я ревную... И вообще, мне же лучше, если Глеб будет с кем-нибудь – хоть станет поменьше видаться со мной на участке.

Пока Маша общалась с Глебом, я под шумок собрала вещи и отошла подальше от них, расположившись на солнышке.

Пусть Глеб развлекается, лишь бы меня не трогал. Надо вообще с ним получше обсудить этот вопрос.

– Ивлев, – обратилась я к нему, когда ужинала в гордом одиночестве в беседке, а он проходил мимо.

– Что? – спросил он заинтересованно и подошёл ко мне.

– Хочешь предложить мне поесть с тобой?

– Нет, – ответила я.

– Почему? Давай так: продукты – с меня, готовка – с тебя, а? – предложил он. – И будем видаться иногда в беседке, кушать вместе – это, говорят, сближает.

Я нахмурилась:

– Не хочу я с тобой сближаться, ясно?

– Я с тобой – тоже не очень, – признался он. – Но есть-то хочется, а на той электрической плитке, что стоит в избушке, много не наготовишь.

Ха! Ещё не хватало, чтобы я ему есть готовила! И чтобы мы кушали вместе, сидя за одним столом в моей беседке! Да не бывать этому!

Тем более что сближаться со мной он не хочет, и всё будет ради того, чтобы ему не готовить на электроплитке.

– Глеб, купи себе мультиварку и готовь в ней, ладно? – спросила я с надеждой, а то ещё загорится идеей совместного хозяйства и не отстанет.

– Отличная мысль! – порадовал меня Ивлев своей реакцией. – Завтра сгоняю до райцентра и куплю. Ну а сейчас-то

чаем угостишь?

Он смотрел испытующе, но я не стала поддаваться привычному желанию отшутиться в ответ. В конце концов, я радужная хозяйка и вполне могу напоить его чаем. Даже с печеньями – их всегда в моём доме много. Люблю, чтобы было с чем пить чай, поэтому всегда покупаю разные вкусности. Почему бы и не поделиться?

Вообще-то, я позвала парня, чтобы спросить про Машку, потому что, несмотря на внешнее соответствие, она не казалась мне типичной его девушкой.

– Садись, чаем напою, конечно, – улыбнулась я, приглашая парня в беседку, а сама встала и отправилась в дом за печеньем и чаем.

– Помочь чем? – с готовностью предложил Глеб.

– Не надо. Садись, отдыхай, – любезно ответила я, а на самом деле подумала о том, что и чай он попросил потому, что хочет проникнуть в мой дом.

Без цели, просто так. Из вредности. Как проник в мою жизнь, как купался в моём озере, так хотел попасть и в дом – то, что пока оставалось моим личным пространством, не осквернённым присутствием Ивлева.

Он настаивать не стал, а я быстро сходила за кружкой и чайниками.

– Вот, – расставила я всё принесённое перед сидящим на скамейке парнем.

– А ты? – поинтересовался он, кивая в сторону моей пу-

стой тарелки.

Мой ужин подходил к концу, так что, да, я планировала тоже попить чай.

– Сейчас, – коротко ответила я.

Унесла тарелку и вернулась со своей кружкой и пакетами с печеньем.

Расставила всё это на столе и только потянулась к пузатому заварочному чайнику, как Ивлев опередил меня и схватил его.

Я не успела поднять на парня удивлённый взгляд, как услышала деловитый вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.